

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

9

Мюнхен - Сан Франциско

1978

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. Кобылин. Неизвращенная История России	1
А. П. Федосеев. «Совершенное» против «Несовершенного»	3
В. Пирожкова. «Раздели один на два»	8
О событиях на радио-станции Свобода	13
П. М. Болдырев. Письмо в редакцию	19
В. Пирожкова. Ответ: Строй государства	22
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати	26
А. П. Федосеев. Однопартийная или многопартийная система?	31
В. Ильин. Христианство и культура	33
Е. Вагин. Подпольное экуменическое движение в России	36

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

МЮНХЕН

№ 9 Июнь 1978

САН ФРАНЦИСКО

В. КОБЫЛИН.

НЕИЗВРАЩЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

В предлагаемой статье я хочу показать то, что имело место на самом деле в Российской Империи. Государство и общественность, рабочее законодательство, народное образование и земельный вопрос это, что нужно рассмотреть в пределах возможного для статьи, для того, чтобы все измышления «диссидентов» были бы отброшены как попытка искажения действительности.

Прежде всего мы (политические эмигранты) совсем не «непомнящие родства». Наша тысячелетняя государственность, наша религиозная и культурная традиция такой же давности, реформы Императора Александра Второго, исключительные достижения в области науки и искусства 19-го века, рост промышленности и успешные стремления разрешить земельный вопрос, постепенное изменение социального строя, дает нам право сказать, что Российская Империя гигантскими шагами шла вперед и, не будь революции, наверно, стала бы одной из самых передовых стран во многих областях духовной и материальной культуры всего мира.

Говорить о «достижениях революции» и «завоеваниях февраля» можно только или сознательно искажая действительность или не зная ее. Я думаю, что известным извинением для некоторых из так называемых диссидентов является тот факт, что они были лишены возможности пользоваться материалами, которые могли бы им осветить действительное положение вещей. Конечно, и совершенно искаженное марксизмом самосознание их не может беспристрастно исследовать интересующие их вопросы. И, как самое печальное, полное убожество в области подлинного интеллекта и эрудиции делает их высказывания лишеными какого-либо интереса.

Рассмотрим несколько подробнее реформы Александра II.

1861 год раскрепостил Россию. С паде-

нием закрепощения открылся новый период, начался новый строй. Дворянство очень быстро стало беднеть, было выбито из привычной колеи и не могло уже давать тона жизни. На все отрасли службы и свободных профессий хлынула масса так называемых «разночинцев» всех возможных сословий и племен. Все они отбились от своих социальных слоев и вошли в слой «образованный», в «интеллигенцию». Это новая «интеллигенция» унаследовала у старо-дворянской всю ее требовательность в отношении прав личности, но не имела ни силы, ни самостоятельности, ни тонкости личности старо-дворянского времени. Элементов устойчивости в ней было меньше, элементов самоуверенности и требовательности стало больше. Эта интеллигенция, не только в своих крайних проявлениях, но и в умеренных, либеральных, отрицала не частности строения, а самую строящую силу.

Эта революционная интеллигенция систематически направляла все свои усилия к тому, чтобы все меры власти, всякий шаг развития страны, обратить в орудие борьбы против данного строя. Таким образом началось то печальное расслоение общества, которое привело к печальному положению. Натура русского человека, в противовес западному европейцу, склонна к крайностям во многом. Но несмотря на многие упущения, проявленные при освобождении крестьян от крепостной зависимости, крестьяне получили за небольшую плату земли, добровольно уступленные помещикам, по большей части дворянами. Однако крестьяне не делались собственниками этих земель, так как эти последние фактически принадлежали общинам, которые отдавали земельные участки в пользование членам общины. В этом положении было много существенных недостатков.

Крестьянин, не чувствуя себя полным хозяином земли и не будучи уверен, что

тот же участок попадет к нему в следующий передел, относился к своей работе небрежно и терял чувство ответственности. Увеличение крестьянского народонаселения в Европейской России уменьшало при каждом переделе площадь земельных участков. Уже к концу 19-го века в наиболее населенных губерниях недостаток земли начал серьезно ощущаться. Революционеры широко использовали это положение, превратив вопрос экономического характера в вопрос политический. Социалисты разных оттенков возбуждали крестьянские массы и толкали их на требование экспроприации частновладельческих земель.

П. А. Столыпин, будучи главой правительства, решил прибегнуть к мерам чрезвычайной важности. Он решил широко использовать переселенческое движение крестьян в Сибирь. Выразившим желание выехать из Европейской России государство помогало деньгами. Переселенцы получали в полную собственность участок в 15 гектаров на душу и 45 гектаров на семью. Каждой семье выдавалось пособие в 200 рублей, и она перевозилась со всем имуществом на казенный счет до места поселения.

Государственный Крестьянский Банк стал скупать помещичьи земли, перепродавать их крестьянам на исключительно льготных условиях. Результатом этой меры было то, что в 1914 году более 80% пахотной земли в Европейской России оказалось в руках крестьян. Изданный 9 ноября 1906 г. так называемый «Столыпинский Закон» позволял крестьянину выходить из общины и делаться наследственным собственником земли, которую он обрабатывал.

Закон этот имел огромный успех. В 1913 году 2 миллиона семейств получили наделы. Накануне 1-ой Мировой Войны 13% земель, принадлежавших общинам, перешли в полную собственность крестьян. Накануне революции Россия уже превращалась в страну небольших собственников, которые быстро обогатились.

Министр земледелия Кривошеин сказал как-то: «России необходимы 30 лет спокойствия, чтобы сделаться наиболее богатой и процветающей страной во всем мире.»

Что касается рабочего законодательства, то тут нужно отметить некоторые факты очень мало известные широкой публике. В царствование Екатерины Второй, в первый раз во всем мире, были изданы законы касательно условий труда — был запрещен ночной труд женщин и детей. Характерно, что кодекс, регулировавший детский и женский труд, отпечатанный в России для заграничных на французском и латинском язы-

ках, был запрещен для обнародования во Франции и Англии. В 1882 году специальный закон урегулировал работу детей от 12 до 15 лет. В 1903 году были введены рабочие старосты, избиравшиеся фабрично-заводскими рабочими соответствующих цехов. Существование рабочих союзов было признано законом в 1906 году.

Но превосходство над теперешней марксистской системой заключалось в возможности рабочим прибегать к забастовкам. На заводах, контролируемых Инспекцией Труда было 68 забастовок в 1893 году, 118 — в 1896 году, 145 — в 1897 году, 189 — в 1899 г. и 125 — в 1900 г. Специальное страхование было установлено в 1912 году.

Одним из установившихся взглядов на Россию до революции был яко-бы факт сознательного поощрения безграмотности широких слоев населения. На самом деле, из года в год росли ассигнования на народное образование, быстро развилась сеть церковно-приходских школ, был создан особый тип средней школы «коммерческие училища». Первоначальное обучение было бесплатное по закону, а с 1908 г. оно сделалось обязательным. С этого года ежегодно открывалось 10.000 школ. По количеству женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала в 20-м веке первое место в Европе. Неимущие студенты очень часто освобождались от платы за право учения.

Наука, литература и искусство развивались и в 19-ом и в начале 20-го века совершенно исключительными темпами. Имена Менделеева, Мечникова, Павлова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л. Толстого, Достоевского, Тютчева, а затем целая плеяда «Серебряного века», а также «передвижники» и «Мир Искусства» в живописи. Традиции «Малого», «Художественного» и такие имена как Шаляпин и Павлова говорят сами за себя.

Во всех областях Россия шла гигантскими шагами вперед. Вот отзывы иностранцев.

Редактор «*Economiste Europeen*», Эдмон Тэри писал в конце 1913 г. «Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 г. идти также, как они шли с 1900 по 1912 г., Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении». (*Edmond Thery. La Transformation economique de la Russie*).

Прейер, немецкий журналист, специалист по аграрным вопросам писал тоже в 1913 г. по поводу Столыпинской земельной реформы: «Это было смелое начинание, это

был отказ от старой основы с заменой чем-то неиспытанным, неясным. Столыпин взялся с решимостью и отвагой за эту великую задачу и результаты показали, что он был прав.» (W. D. Preyer. *Die russische Agrarreform*. Jena, 1913).

Морис Бэринг, известный английский писатель, проведший несколько лет в России и хорошо ее знавший, писал в своей книге «Основы России» (весной 1914 г.) «Не было, пожалуй, еще никогда такого периода, когда Россия более процветала бы материально, чем в настоящий момент, или когда огромное большинство народа имело, казалось бы, меньше оснований для недовольства. Недовольство распространено, главным образом, в высших классах, тогда как широкие массы, крестьянство в лучшем экономическом положении, чем когда-либо.

Даже «левые» признавали, что Россия становится иной. И. Жилкин, лидер фракции трудовиков в Думе, писал в «Вестнике Европы» (1913 г.) «Стихийно растет дело народного образования. Неслышно, почти неуследимо совершается громадный факт: Россия из безграмотной становится грамотной. Вся почва громадной российской равнины как бы расступилась и приняла в себя семена образования — и сразу на всем пространстве зазеленела, зашелестела молодая поросль».

В конце 1913 г. в «Русской Мысли» появилась статья кн. Е. Н. Трубецкого «Но-

вая Земская Россия» — «Два новых факта в особенности поражают наблюдателя русской деревни за последние годы — подъем благосостояния и поразительно быстрый рост новой общественности. Крестьяне действительно приобщаются к благосостоянию и собственности. Им есть чем дорожить и что охранять».

Новой чертой совершенно иного рода было пробуждение интереса ко всем видам спорта. Везде вырастали футбольные, теннисные клубы. Широкое развитие начали получать гимнастические организации для детей и подростков: «потешные», сокола, бой-скауты. Русская молодежь становилась спортивной.

Из всего вышесказанного так ясно, что революция 17 года («февральская») никак не является, как это стараются очень многие изобразить, каким-то «светлым и радостным» событием, а как раз наоборот, тем губительным началом, когда «приказ № 1» и другие безответственные мероприятия поистине «Временного» Правительства привели Великую Империю к тому нравственному падению, к величайшей катастрофе, которая называется октябрьской революцией.

Не позволим же ни «диссидентам», ни многочисленным врагам (откуда бы они ни происходили) извращать наше прошлое, то, что должно быть дорого каждому россиянину с неповрежденной совестью.

А. П. ФЕДОСЕЕВ

“СОВЕРШЕННОЕ” ПРОТИВ “НЕСОВЕРШЕННОГО”

Человеческий ум никак не может примириться с тысячелетней историей непрерывных неудач всех попыток организовать человеческое общество на «разумных и справедливых» началах. Точно также люди продолжают неутомимые поиски «эликсира жизни» или вечного двигателя. Конечно, с «эликсиром жизни» и вечным двигателем дело обстоит довольно просто и образованные, интеллигентные люди, как правило, уже отвергают такие идеи как нарушающие незыблемые законы природы. Однако миллионы неискушенных людей все еще ловятся на эти приманки.

С человеческим обществом все куда сложнее. Конечно, некоторые скептики и люди, привыкшие мыслить рационально, логически, могут утверждать, что задача построения совершенного человеческого общества вполне эквивалентна задаче поднять

самого себя в воздух за шнурки собственных ботинок, т. е. задача тоже противоречащая законам природы, как и вечный двигатель. Однако, в этом случае миллионы даже образованнейших и интеллигентных людей продолжают неутомимо искать решение задачи. При этом, естественно, совершенно не интересуются простым, прагматическим исправлением недостатков существующего общества. Весь нынешний век оказался веком, посвященным многочисленным новым попыткам построения «хорошего общества». В свое время Гитлер даже упростил задачу, решив строить «хорошее общество» только для одной нации — немцев. Он продемонстрировал миру, как такая национально-социалистическая идея может создать колоссальную вспышку энергии целого народа. Однако прежде, чем этому народу удалось уяснить качество нового об-

щества, вспышка исчерпала себя и дело окончилось полным крахом.

Существенно отметить, мысли Гитлера, что для полного осуществления идеи, нужно завоевание всего мира, точно так же, как это имеется в виду для всех остальных идей «совершенного общества», как национальных, так и интернациональных. Действительно, «совершенное общество» не может быть полностью совершенным, если ему приходится жить и контактировать с «хаосом и беспорядком» остального мира. Это совсем не прихоть и каприз лидеров, осуществляющих «совершенное общество», а суровая необходимость: полного социализма в одной стране построить нельзя.

Если Гитлер действовал быстро и решительно, но неосторожно, то Ленин, Сталин и их преемники вели дело гораздо осторожнее. Чтобы обмануть мир, они провозгласили возможность построения «совершенного общества» в отдельно взятой стране и принцип «мирного сосуществования». Это был правильный шаг, позволивший получить благосклонность «несовершенного общества» и строить «совершенное общество» в той мере, в какой оно было возможно в одной стране.

60 лет строительства, однако, показали, что даже в стране с такими огромными ресурсами как Советский Союз, социализм не может стать хотя бы даже настолько совершенным как «несовершенное общество». Оказалось, что за этот же самый период времени «несовершенное общество» успело прогрессировать несравненно больше, чем «совершенное общество» в одной стране — СССР. Больше того, в «совершенном обществе» начался застой и гниение, наблюдаемые невооруженным глазом. Таким образом весь опыт строительства «совершенного общества» социализма в СССР показал, что нужна мировая революция.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВАКУУМ В СТРАНЕ СОЦИАЛИЗМА — СССР

Все проявившиеся в нашем столетии свойства идеи «совершенного общества» были уже давно предсказаны. «Теория необходимости мировой революции» существовала задолго до 1917 года. Как я писал в своей статье в Н.Р.С. в 1978 году, для «совершенного общества» оказалось необходимым не только разумно организованное, плановое производство, но и разумное, плановое распределение общественной продукции, исключаящее анархию зарплат и денег. Эта, давно предсказанная необходимость, но не реализованная в СССР, начинает весьма отрицательно сказываться на состоянии эко-

номики в СССР. Оказалась верной и теория необходимости коренной перестройки людей для создания «совершенного общества». Оказалось, что для «совершенного общества», организованного по единому, справедливому порядку, нужны и люди, «отштампованные» по одному, совершенному образцу. Однако, природа не предусмотрела средств «штамповки» людей по образцу: в 250 миллионах жителей СССР не найти даже двух тождественных людей. Поэтому, в свое время, Ленину и Сталину пришлось уничтожить 66 миллионов людей, слишком уж не укладывающихся в стандарт.

60 летний опыт, однако, показал, что это действие не привело к требуемому «совершенным обществом» результату. Через относительно короткое время «передышки» число уже абсолютно новых «нестандартных» людей стало снова катастрофически возрастать. Оказалось, что менее совершенные, чем при Сталине, КГБ и Архипелаг ГУЛаг явно потеряли эффективность в перестройке людей на стандартный образец. Как видно, эти средства перестройки людей должны быть возвращены к сталинскому уровню совершенства, если продолжать развивать «совершенное общество» дальше.

Так или иначе, за 60 лет строительства социализма 100% населения СССР потеряло свою идеологию и уже не верит в социализм, коммунизм, в марксизм и в «совершенное общество». Однако, новых (или старых) идей нет и вожди СССР продолжают «строить» «совершенное общество», пользуясь отсутствием другой идеологической цели у населения.

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Казалось бы Западу теперь можно не волноваться и спокойно наблюдать, как происходит крах идей «совершенного общества» в СССР и не беспокоиться за сохранность своего «несовершенного общества». Однако куда же деваться вождям социализма? Самораспускаться и превращаться из хозяев в слуг? Конечно нет. Если бы во всем мире был бы только социализм, все бы стало значительно лучше: сравнивать было бы не с чем.

Конечно, и статус-кво был бы неплох, но время, как и у Гитлера, в свое время, работает против социализма и вождей. В сущности, статус-кво означает саморазвал. Поэтому для социализма и его вождей после крушения идеологии остается лишь единственный выход: пытаться развалить и сокрушить Запад любыми средствами. Успех этого может, если не возродит идеологию «совершенного общества», то, по крайней ме-

ре, создать для населения ССОР интересные и полезные перспективы и этим самым укрепить и развить режим и возвеличить его вождей: точно по рецепту Гитлера. Попробуйте сами просмотреть разные варианты будущего СССР и вы убедитесь, что указанный выше вариант есть единственный и при том совпадающий с теорией мировой революции. Что касается разрядки, то, посмотрите, насколько она аналогична «мирной политике» Гитлера! Назначение разрядки не отличается от назначения «мирной политики» Гитлера. Можно смело утверждать, что и окончание разрядки, как и у Гитлера, будет война или оккупация Европы.

Есть, конечно, и разница. Гитлера население его страны в своем большинстве поддерживало почти вплоть до самого краха. Население СССР Брежнева не поддерживает. Однако оно не поддерживало в начале войны и Сталина тоже. Фактически, война не была выиграна ни Сталиным, ни союзниками. Ее выиграл для них сам Гитлер своей, с начала до конца последовательной, линией на господство германской расы и истребление или превращение в рабов людей других рас. Для миллионов других людей Гитлер показался, если и не страшней Сталина, то того же поля ягодой. Поэтому они, эти миллионы, и сокрушили его. Между тем Запад уже сделал роковой шаг в том же направлении, что и Гитлер, выдав миллионы русских людей на растерзание Сталину после войны. Этот акт не пройдет бесследно и сыграет свою роль против Запада в будущих событиях. Сталин в могиле может быть доволен своим трюком. Нынешняя знаменитая разрядка является таким же трюком, рассчитанным, кроме всего прочего, на то, что бы поссорить Запад с советским населением. Запад так ублажает вождей СССР, что нельзя называть эту политику иначе, чем предательством целого народа.

ПЯТАЯ КОЛОННА

Мощнейшим фактором также на стороне вождей ССОР является великое множество мазохистов — пророков на самом Западе. Если населению СССР, как и вождям, уже давно ясно, что «совершенное общество» есть совершенная и пожизненная тюрьма народов (с вождями в качестве тюремщиков), то высокоинтеллектуальные «пророки» Запада, веря в могущество именно своих мозгов, утверждают, что по их рецепту общество тако будет совершенным. Конечно, ни один из них не удосужился дать конкретную картину общества по их рецепту, чтобы можно было представить это общество до того, как оно сядет людям на шею. Они и сами-то знают только, что об-

щество нынешнее нужно разрушать, все нужно национализировать, и во всю нужно пропагандировать неуывдаемые обещания равенства и братства и будущего процветания.

Действия этих «пророков-освободителей» удивительно напоминают действия гитлеровской пятой колонны в странах мира. Однако гитлеровская пятая колонна «совершенного общества» немцев имела гораздо более ограниченную базу.

Вероятно, нет необходимости разьяснять, что действия пятых колонн независимо от их расцветок и оттенков щедро субсидируются теми самыми, ублажаемыми Западом, вождями СССР (и Китая тоже) через КГБ, торговые и дипломатические представительства и т. п.

СИЛА ИДЕОЛОГИИ «СОВЕРШЕННОГО ОБЩЕСТВА»

Вспомните, как идеология национал-социалистического «совершенного общества» взламывала без единого выстрела границы государств и поработала их. Посмотрите, как идеология с минимальными средствами завоевывала и завоевывает одно государство за другим. Не существует таких линий Зигфрида, Мажино или такой вооруженной силы, которые не были бы сокрушены идеологией. Дайте пробиться вражеской идеологии в мозги солдат и офицеров, защищающих страну, и эту страну не спасут ни ядерное, ни нейтронное оружие.

Это верно, если Бог захочет наказать человека, так Он отнимет у него ум. Бог явно не на стороне Запада и отнял у него разум. Как можно на фоне непрерывного идеологического наступления социализма отказать самим почти от всех защитных идеологических средств? Когда вы слушаете «беззубые» передачи Голоса Америки, ВВС, немецкой Волны, Радио Свобода, будет ясно, что Запад полностью идеологически разоружился. Между тем, один миллион, отпущенный на активную «зубастую» идеологическую борьбу, производит неизмеримо больший эффект защиты, чем современный авианосец стоимостью в миллиард. И идеологические потери невозможно компенсировать никаким оружием.

Посмотрите на Западе соотношение защищающих «несовершенное общество» брошюр, книг, газет, журналов, радио и телевизионных передач и тех, что нападают и разрушают общество, агитируют за другое «совершенное общество»! Это соотношение 100 к 1 не в пользу защиты. Уже и население СССР начинает само отвергиваться от всех этих «Голосов Америки» и от за-

падной литературы к великому удовольствию вождей СССР.

Даже органы разведки и контрразведки, без которых ни одна война не может быть выиграна, на Западе были вынуждены капитулировать перед монопольной идеологией «совершенного общества». Один знаменитый современный английский писатель в своем последнем произведении договорился даже до того, что шпионов не следует вылавливать, так как их раскрытие, мол, приносит больше вреда, чем сам факт передачи секретной информации врагу. Хотя КГБ всеми средствами поддержит этого писателя на Западе, его произведение, конечно, никогда не будет опубликовано в СССР: любого советского писателя за такие откровения запрятали бы надолго в концлагерь. Западу приходится теперь в ответ на терроризм, диверсии, саботаж, на пятую колонну СССР и социализма вообще проводить линию непотворения злу насильем и с тоской наблюдать, как социализм разрушает страны и их волю к сопротивлению.

Лишь немногие люди знают, что победа социализма во всем Вьетнаме и позор американской армии были обусловлены чистой идеологией: запрещением армии вторгнуться в Северный Вьетнам и предписанием только отражать атаки северовьетнамских войск и партизан. Если бы не было этого идеологического предписания, весь Вьетнам и Камбоджа были бы и сейчас свободны, а миллионы людей не подверглись бы уничтожению и невероятным страданиям. Не пора ли понять всем людям Запада, что их гуманизм должен быть на стороне поработанных «совершенными обществами» народов, а не на стороне их угнетателей и что их гуманизм должен быть обращен не к террористам, диверсантам, шпионам, а к их безвинным жертвам.

СССР ПРОТИВ ЗАПАДА

Я уже говорил, что все население СССР настроено против социализма, но не имеет ясной цели для активной борьбы против него.

С течением времени надежды населения СССР на разумную политику Запада постепенно испаряются и на их место приходит враждебность и злоба. Появляется злорадное желание: «пусть этим болтунам и «гуманистам» достанется, как следует, по шее, чтобы у них искры из глаз посыпались». Если это злорадство, непрерывно питаемое самоубийственной политикой Запада, достаточно распространится, то население СССР будет сознательно участвовать, как в идеологической борьбе против Запада, так

и в будущей оккупации Европы или в войне против США. И месть Западу за предательство может быть ужасной. В то же время идея угрозы ядерной войны со стороны Западе как средства предотвращения оккупации или войны, является совершенно наивной. СССР это превосходно понимает и демонстрирует это пониманием настойчивым наращиванием обычных вооружений. Вожди СССР, как и Гитлер в свое время, знают положение вождей Западе и то, что ни один из них и не решится и не сможет употребить ядерное оружие против СССР и, тем более, на территории Европы в условиях неприменения этого оружия самим СССР. А ядерная война СССР просто ни к чему. СССР не находится и близко к такому отчаянному положению, когда для диктатуры было бы нужно думать о самоубийстве: СССР думает о завоевании, а не о самоубийстве.

С решающей в этом вопросе помощью Западе вожди СССР сумеют использовать чувство мести и злобы у населения СССР, чтобы восстановить его против Западе. Это обстоятельство может оказаться решающим в будущей войне СССР против Западе.

Нужно отметить, что вожди СССР не только используют всю успешную технику Гитлера и многих других завоевателей мира в истории, они учитывают и их промахи. Гитлер с его провинциально ограниченным мировоззрением недооценил важности разрыва линий связи противника. Он даже запретил использовать военный флот захваченной им Франции и пополнить им хотя бы свои потери флота в Норвегии. Полное значение флота в войне дошло до его сознания лишь тогда, когда война уже была фактически проиграна, несмотря на все еще первоклассную и мощную сухопутную армию. Легко видеть, что этого промаха вожди СССР не делают. Уже и без того огромный атомный подводный флот продолжает быстро наращиваться и проникать во все уголки земного шара. Надводный флот также непрерывно наращивается и действует на всех морях и океанах мира в координации с подводным, составляя с ним единое оружие атаки на Запад.

Важно уяснить, что весь коммерческий и рыболовный флот СССР строился и строится с расчетом быстрого его использования вместе с его командами для военных целей, не говоря уже о простом шпионаже в мирное время. Не трудно сообразить, что Запад такого преимущества не имеет.

Таким образом совокупный военный флот СССР уже превосходит все, о чем может мечтать любой завоеватель.

Однако этого мало. Превосходно организованное и мощное идеологическое наступление под прикрытием разрядки дало возможность СССР создать на всех линиях связи Европы и США с источниками сырья и нефти военные базы, свои или сателлитов. Легко заметить, что эти базы, несмотря на отдельные случаи их вынужденной ликвидации, продолжают контролировать указанные линии и все увеличивать, а не уменьшать степень контроля.

На своей территории за последние послевоенные десятилетия СССР чрезвычайно рассредоточил свою военно-промышленную базу даже в ущерб ее эффективности в мирное время. Военное значение этого факта бесспорно. Во многих важных случаях предприятия размещены глубоко под землей, а их существование и, тем более, размещение американцам неизвестны, несмотря на спутники-шпионы. Дело в том, что вожди СССР не стеснены наличием армии проницательных корреспондентов, не стеснены никакой идеологией, никакими гуманистическими правилами, никакими требованиями защиты природы или населения. Такие понятия как честь, порядочность, совесть, выполнение договорных обязательств и т. д., все заменяются лишь одним: обеспечить победу социализма во всем мире. Поэтому СССР превосходно обманывает и обводит вокруг пальца наивных западных деятелей на всех и всяких конференциях по разоружению или по ограничению вооружений. СССР может скрыть очень большое количество сортов оружия или действий, рассчитанных на подготовку войны. На Западе и сейчас еще не верят, что около 20 лет тому назад на Урале произошла огромная атомная катастрофа. Так превосходно это было скрыто. По тем же причинам Запад совершенно не представляет истинного экономического и политического положения в СССР. До сих пор, например, никто не догадывается, как умело СССР с помощью Запада накопил огромные запасы «дефицитных» хлеба, консервов, сырья, обмундирования, оружия и даже оборудования для будущей войны. Сделал он это, конечно, в ущерб своему населению. В СССР в самое мирное время всегда существовала и существует специальная мобилизационная и секретная служба, так называемый Отдел № 2, при каждом предприятии или научно-исследовательском институте, ведающий мобилизацией, мобилизационными запасами и имеющий в своем распоряжении свою часть мобилизационного плана, все время корректируемого и все время готового для осуществления. О всеохватывающей системе, называемой «Гражданская Обор-

на», рассчитанной на все население СССР для подготовки его к войне, в том числе и к ядерной, вероятно все еще многие на Западе не знают. Наконец, нужно иметь в виду огромную территорию, огромные сырьевые и людские ресурсы, чтобы стало ясно, что защищаться от СССР представит задачу, куда более сложную и трудную, чем, в свое время, от Гитлера.

К несчастью США его граница недвусмысленно находится на востоке Европы. Покосильку полувоенная или полумирная оккупация Европы может быть осуществлена (с помощью самих европейцев) меньше, чем в две недели, то и бороться американцам придется, в основном, одним. Больше того, США окажутся изолированными от всего мира: и Африка, и Латинская Америка и государства Азии будут рады (на тех же основаниях, что и советское население) ошипать перья американскому орлу. Это утолнение мести, зависти и злобы по отношению к США может стать смертельным ударом для этой страны. Любопытно, что в этом случае запоют эти самые святейшие американские гуманисты-толстовцы? Боюсь, что их линчуют их собственные соотечественники.

КИТАЙ ПРОТИВ ЗАПАДА

Сейчас многие на Западе возлагают большие надежды на войну между СССР и Китаем как спасение для Запада. К сожалению для Запада, эти надежды также вполне наивны и проистекают из плохого понимания сущности социализма.

За 30 лет после войны 1945 года французы так и не смогли освободиться от очень опасного для них нежелания к полной кооперации с США. Едва ли руководители Франции смогут в достаточно короткое время преодолеть эту опасную ситуацию. Для тоталитарных стран изменение политики в выгодную для них сторону не представляет никакого труда. Вчера СССР и Китай были прочными друзьями, сегодня они — враги, а завтра они опять станут друзьями. Несмотря на все заигрывания Китая с Западом и всю нынешнюю его враждебность к СССР, обе страны, по существу, являются союзниками против Запада, защищающими, конечно, каждый свои интересы.

Давайте посмотрим внимательнее! И Китай и СССР при всех их трениях прекрасно понимают, что в их войне между собой может выиграть только Запад, их противник. Приобрести же обоим будет нечего. Даже Тайвань останется Тайванем. Китай физически не способен завоевать СССР, как и СССР не способен завоевать Китай. СССР и без войны с Китаем имеет все на своей

территории и 800 миллионов нищих китайцев ему не нужны даже, если бы они все сдались без выстрела. Китай может прельстить кусок Сибири или Туркестана, но стоит ли он войны с СССР? Явно, нет. Если дело дойдет до серьезного, СССР и Китай великолепно договорятся на следующем:

1. Китай помогает СССР «добровольцами» оккупировать Европу и вести войну против США.
2. Китай и СССР делят сферы влияния в остальном мире между собой.
3. СССР помогает Китаю захватить Тайвань.
4. СССР великодушно, в обмен на «жирную» Европу выделяет Китаю достаточно большой кусок пустой, неосвоенной Сибири, если захват Тайваня покажется недостаточной платой за кооперацию.

Безусловно, договорившись, и Китай и СССР могут каждый реализовать для себя большие выгоды. Можно не сомневаться, что они превосходно дают себе в этом отчет.

Не следует обманываться вооруженными конфликтами СССР и Китая на границах и их интенсивной идеологической потасовкой. Это один из очень хороших способов поддержания лояльности китайцев к Китаю, а советских людей к СССР плюс поддержание пороха сухим. Это также неплохой способ выдаивания жирных коров Запада по части кредитов и технологии.

Возникает вопрос, когда же наивное, плохо разбирающееся в политике население Запада и их лидеры раскроют, наконец, глаза и поймут, что происходит в мире? Не будет ли это слишком поздно?

В. ПИРОЖКОВА

“РАЗДЕЛИ ОДИН НА ДВА”

Испанский профессор, специалист по марксизму, а по своим убеждениям антикоммунист, Антонио де Ирала написал книгу под названием «Раздели один на два» (Мадрид, 1977 г.). Книга эта посвящена анализу коммунистической стратегии, разработанной особенно тщательно Мао. Книга де Ирала имеет характерный подзаголовок: «О науке побеждать». Ирала привлек к рассмотрению много произведений китайского марксистского идеолога, но ставит особенно упор на его труде «О противоречии».

Напомним русскому читателю, что это означает. Одним из главных законов гегелевской диалектики, перенятой марксистами, является закон об «единстве и борьбе противоречий». Согласно этому закону все феномены существуют не в полном единстве, а в единстве и одновременно борьбе их внутренних противоречий. Марксисты в теории не знают иной гармонии и иного единства как гармонии борьбы и единства в борьбе.

На это можно возразить, что все это — лишь теория, а на практике как раз коммунисты все хотят привести к одному знаменателю, не терпят разнообразия и разносторонности, не терпят инакомыслия. Это верно лишь отчасти и лишь для некоторых периодов истории коммунизма.

Укажем на то, что коммунисты различа-

ют между антагонистическими и неантагонистическими противоречиями. Антагонистические противоречия существуют между несоединимыми формациями, например, между социалистическими и капиталистическими странами. Между ними идет смертельная борьба, сосуществование может быть только временным, и противоречие между ними может иметь только один конец: уничтожение одного из этих враждебных лагерей. Совсем иначе обстоит дело с неантагонистическими противоречиями. Эти противоречия только оплодотворяют оба лагеря, между которыми они существуют. Борьба между двумя сторонами, разделенными неантагонистическим противоречием, может быть очень острой, и это даже не только игра или тактика, это, может быть, и настоящая борьба, но она никогда не станет смертельной. Если же между сторонами с антагонистическими противоречиями возникнет борьба не на жизнь, а на смерть, то стороны, разделенные неантагонистическими противоречиями, конечно, объединятся для борьбы против общего врага. Если неантагонистические противоречия между двумя сторонами в какой-то период довольно остры, скрепкой этих двух сторон является все же всегда общий враг, с которым их разделяет антагонистическое противоречие. Так для всех «коммунизмов» общим врагом сейчас является так называемый «империализм США».

Знаменательно, что советские идеологи после смерти Сталина, как раз в те времена, когда они политически так остро ссорились с коммунистическим Китаем, понемногу переняли учение Мао об антагонистических и неантагонистических противоречиях и о необходимости хранить единство в противоречии и борьбе, а не в полной нерушимой гармонии. И советские идеологи понимают, что эта теория — истинно «наука о том, как побеждать».

Весь Запад заворочен ссорой Советского Союза с красным Китаем и ожидает для себя если не спасения, то по меньшей мере большой выгоды от этой вражды. Но если отвлечься от слов и посмотреть на дела, то не так легко будет ответить на старый вопрос римлян, которые современные политики так редко себе задают: *Cui Bono?* Кому это идет на пользу?

На Западе последнее время все шире распространяется политическая «ересь» о том, что существует политика без риска и без теневых сторон. Поэтому часто указывается на то, что ссора двух коммунистических гигантов подрывает их престиж, мешает им выступить единым фронтом для демонстрации коммунистической мощи. Все это верно, но все это никак не является доказательством, что ссора коммунистическим государствам принесла больше вреда, чем пользы.

Не существует политики без риска и теневых сторон. Следует только взвесить, чего та или иная политическая линия больше принесит, выгод или риска, пользы или вреда. Всегда есть и польза, и вред. Недостаточно указать только на вред, на теневые стороны, не рассмотрев, есть ли польза, и насколько она велика. Конечно, мало и рассмотреть только выгоду той или иной политики, следует учесть и ее теневые стороны, возможный вред данной политической линии.

Если подвергнуть тщательному анализу вопрос, принесла ли ссора между Советским Союзом и красным Китаем двум коммунистическим гигантам больше пользы или больше вреда, то по нашему мнению, а так же и по мнению автора выше упомянутой книги, эта ссора принесла им больше пользы, чем вреда. Достаточно взглянуть на Вьетнам: с одной стороны ссора двух коммунистических гигантов несколько не мешала им тесно сотрудничать друг с другом в вопросе помощи коммунистическому Вьетнаму. Оружие из СССР шло во Вьетнам в значительной части через красный Китай и, конечно, обе страны поддержива-

ли Северный Вьетнам и вьетконг своей пропагандой. С другой же стороны президент США рассчитывал на эту ссору и вел войну иначе, чем, вероятно, вел бы ее, если у него не было надежд на ссору коммунистов и известную помощь Сов. Союза. Вспомним, что при президенте Джонсоне китайский коммунизм считался «диким» и агрессивным, тогда как советский цивилизованным и «прирученным». Президент Джонсон долго надеялся на политическую и дипломатическую помощь Сов. Союза, которая позволила бы заключить в Вьетнаме мир без отдачи всего Южного Вьетнама коммунистам. В это время он снисходительно и пассивно смотрел на то, как Сов. Союз основывал свои базы в Средиземном море, которое до тех пор было *mare nostrum* западных европейцев. Он так же не вел войну во Вьетнаме в полную силу, рассчитывая на мир и не понимая, что для обеих коммунистических держав не могло быть ничего более выгодного, чем затяжная война во Вьетнаме, непрерывно подрывавшая престиж США. Мы не беремся указывать на то, какой была бы политика США в вьетнамском вопросе, если бы не было надежд на ссору коммунистических государств, но эта политика была бы, во всяком случае, иной. Вряд ли она дала бы для США и всего Западного мира худшие результаты, так как худшие результаты трудно себе представить.

Когда же нужно было удалить прекрасное, благоустроенное и антикоммунистическое государство Тайвань из ООН, то Сов. Союз горячо поддерживал это удаление и введение в ООН на место Тайваня красного Китая. Правда, став членом ООН, красный Китай в лице своего представителя обругал Сов. Союз, но... говорят: «брань на воротах не виснет». Общее дело коммунистических держав было сделано.

Рамки этой статьи не позволяют проследить полностью то, что по-английски называется «тайминг», то есть согласование времени перестрелок на Уссури. Отметим только, что последняя перестрелка была в марте 1968 г., точно тогда, когда президент Никсон, находясь в Европе, неожиданно включил в программу своей поездки Западный Берлин, который он сначала хотел обойти. Как раз в этот момент раздались выстрелы на Уссури, отвлекшие мировое внимание от значения посещения американским президентом Западного Берлина.

Можно возразить, что ведь при этих перестрелках гибли люди, — да, — но когда же коммунистические режимы считались с людскими потерями, если это было нуж-

но для их политики «мировой революции»? Перестрелки уже давно прекратились. Теперь они ни Сов. Союзу, ни Китаю больше не нужны. Запад уверовал в их ссору как в догмат, а если западные политики создадут себе политический догмат, они редко подвергают его трезвому анализу, он продолжает доминировать в их умах.

Теперь, особенно в Европе, «хорошим» коммунистическим государством считается красный Китай, а «плохим» Сов. Союз.

Можно понять, что антикоммунисты Западной Германии обеспокоены положением Европы и, после Вьетнама, уже не могут твердо рассчитывать на помощь и защиту США в случае актуальной угрозы их стране. Но то, что именно антикоммунисты и христиане Западной Германии, то есть самая консервативная, антикоммунистическая и христианская партия Западной Германии, христианско-социальный союз Баварии, возлагает такие большие надежды на красный Китай, старается с ним кооперировать, — это историческая трагедия. Хотят этого члены этой партии или не хотят, но этим нарушается принципиальный антикоммунизм. Даже если они этого, к счастью, пока не высказывают, все же получается так, что плох коммунизм только в Сов. Союзе, то есть только русский коммунизм, тогда как китайский совсем не так плох. Повторяем, они так не говорят. Франц-Йосиф Штраус, вернувшись после своей первой поездки в Китай, сказал, что он, конечно, против всякого коммунизма, но в прагматической политике надо использовать каждого потенциального союзника. Это было бы верно, если бы красный Китай был союзником свободных стран!

В головах же рядового населения трудно укладывается мысль, что можно близко сотрудничать с режимом, который одновременно полностью отрицает. Да даже и не только в головах простых людей: члены той же партии христианско-социального союза, ездившие в Китай, начали говорить, что китайский коммунизм не так уж плох для китайского населения, даже, может быть, вовсе не коммунизм, а своего рода китайский национализм, который угрожает Сов. Союзу, но не Западной Европе. Это — невольное самооправдание, так как мало кто может быть столь циничным, чтобы прямо заявить: это ужасный режим, но мне выгодно с ним кооперировать и мне саплевать на то, что он делает со своим собственным населением. Повторяем таких циников, слава Богу, на свете мало, и вот начинается успокаивание своей совести попытками прикрасить режим. Получается противое-

тественный, но невольный союз между антикоммунистами и маоистами Германии. Последние утверждают, что плох только советский коммунизм, тогда как китайский весьма хорош. И вот общий антикоммунистический принципиальный фронт дал трещины.

У общественности невольно создается впечатление, что плох, в самом деле, не коммунизм, не марксизм, плохи и жестоки русские традиции, — в чем нас так стараются уверить многие диссиденты. Отсюда уже легко сделать следующий шаг, а именно: и другие коммунизмы вполне хороши, только бы они не были русскими. Те же самые германские антикоммунисты, которые заипрывают с красным Китаем, в ужасе от так называемого «еврокоммунизма» и справедливо видят в нем ловушку. Однако они не замечают, что сами готовят почву для его успеха, делая различие между китайским и советским коммунизмами и тем самым как бы допуская, что бывают принципиально разные коммунизмы, а не только небольшие вариации того же самого страшного зла нашего столетия.

Согласно теории диалектического и исторического материализма без внутренних противоречий произойдет застой и гниение. Поэтому противоречия, — но неантагонистические, — должны существовать как внутри отдельных коммунистических стран, так и внутри коммунистического блока. Советские идеологи в наше время вполне усвоили эту теорию, особенно хорошо разработанную Мао. Сталинское время представляло собой известное искажение и обеднение марксизма, из диалектики был изъят даже третий диалектический закон, закон отрицания отрицания. Теперь все это давно восстановлено.

Однако уже Сталин начал вносить в монолитное единство некоторое движение. Самым интересным, пожалуй, является то, что Сталин не ввел войск в Югославию и, несмотря на проклятия по адресу Тито и «его банды», фактически не тронул первого как бы самостоятельного, независимого от Москвы коммунизма. Вероятно, есть немало знатоков положения, которые будут утверждать, что сделано это было из чисто прагматических побуждений, а не по идеологическим причинам. Мы не будем даже спорить против таких мнений, отметим только, что существование внешне независимого югославского коммунизма прекрасно уживается с теорией необходимости существования неантагонистических противоречий в социалистическом лагере. Напротив,

в Венгрию в 1956 г. и в Чехословакию в 1968 г. с коммунистической точки зрения было необходимо ввести войска, потому что там назревала опасность ликвидации коммунизма как такового и превращения этих стран в страны антагонистического противоречия по отношению к коммунизму как таковому.

Что касается до «еврокоммунизма», вспомним, что все восточно-европейские коммунисты до прихода к власти были «еврокоммунистами». Все они обещали демократические свободы, плюралистическое общество и прочие блага. В Чехословакии переворот совершили одни местные коммунисты, в 1948 г. там не стояли советские войска, и их не было вплоть до 1968 г. Тем не менее после переворота 1948 г. Готтвальд и другие чехословацкие коммунисты быстро забыли свои «еврокоммунистические» обещания и создали обычную коммунистическую диктатуру.

Тем не менее мы не будем утверждать, что между советскими и западно-европейскими коммунистами нет никаких противоречий. Но поскольку они есть — это неантагонистические противоречия, которые для них не смертельны и не помешают им в надлежащий момент соединить эти противоречия в синтез, то есть снова полностью объединиться для совместной борьбы против их общего «антагонистического» врага.

Но коммунистам чрезвычайно выгодно, чтобы их противоречия считали решающими. Вследствие этого сопротивление западно-европейским коммунистам будет не таким активным, больше того, есть западные некоммунистические политики, которые, видя вялость зажиточного западного населения, всерьез предполагают, что западно-европейские коммунисты окажут советским коммунистам более решительное сопротивление, чем некоммунистические «буржуазные» партии. Таким образом внимание и надежды даже некоммунистов все больше сосредоточиваются на коммунистах того или иного толка. Незаметно и малыми дозами в подсознание населения свободного мира вливается впечатление, что оппозицией коммунизму может и даже должен быть тоже коммунизм, но только иной, коммунизм «с человеческим лицом». А некоммунистическая, тем более антикоммунистическая оппозиция якобы теряет свое значение, становится даже почти что ненужной.

По теории Мао неантагонистические противоречия должны существовать не только между отдельными коммунистическими стра-

нами, но и внутри этих самых стран. Отсюда и теория «ста цветов», а так же явление «культурной революции». Это нечто вроде шигалевой «судороги». Гениальный автор «Бесов» предсказал и это. Время от времени надо дать возможность развиваться внутренней оппозиции, или же ее создать, что безопаснее, так как ее лучше можно держать под контролем. Конечно, эта внутренняя оппозиция не должна переходить известных границы, за этим зорко следит партийное руководство. В надлежащий момент должен произойти синтез двух неантагонистических противоречий, то есть оппозиция должна снова влиться в правительственную линию или, если она будет сопротивляться быть уничтоженной.

Особенно выгодно допускать легальную оппозицию вне своей собственной страны. Очень многие активно действующие диссиденты из тех, которые выехали, являются легалистами советского режима. Они хотят создать оппозицию в рамках легальности по отношению к советскому режиму. На Сахаровском слушании в Риме в ноябре 1977 года даже не были допущены к выступлению такие, много пережившие, свидетели как Е. Вагин и Ю. Машков, потому что они не относятся к советским легалистам. Пока легалисты находились еще в Сов. Союзе, их тактику можно было понять: выступать открыто против советской власти могло стать напрасным героизмом. Но когда они выехали за границу, их тактика стала идейно опасной, потому что создает в глазах иностранцев иллюзию, что в Сов. Союзе возможна эволюция, возможна демократизация режима. Эта иллюзия крайне опасна, она искажает истинное лицо режима и может поставить свободные народы перед опаснейшей ситуацией полной неподготовленности перед тем, что им на самом деле предстоит. Кроме того, достигается тот же эффект фактического стирания истинной антикоммунистической оппозиции.

Точно такое же явление мы наблюдаем теперь во всех странах социалистического блока или, вернее, в не этих стран, в свободном мире, где усиленным темпом создается легальная оппозиция по отношению к коммунистическим режимам. Одновременно усиленно внушается, что во всех бедах этих народов виноваты не коммунисты, и не марксистская идеология, а русские с их якобы «варварскими традициями». Тем самым обеляется коммунизм как таковой и одновременно сеется рознь между угнетенными им народами, в то время как только сплоченность этих народов может преодолеть коммунистическую диктатуру.

В качестве иллюстраций этой стратегии приведем яркий пример из Восточной Германии. В начале этого года в западно-германском журнале «Шпигель» появился так называемый «Манифест демократических коммунистов», он был якобы подпольными путями переброшен в Западную Германию. Написали его якобы «истинные» и потому демократические коммунисты, внутренняя коммунистическая оппозиция в Восточной Германии. Манифест давал известную критику фактического положения вещей в Восточной Германии, критику резкую, но не содержащую ничего нового. Затем там был призыв к национальным чувствам и к воссоединению Германии. Предлагался и план воссоединения: создание конфедерации на равных началах, не взирая на малочисленность населения Восточной Германии по сравнению с Западной, и создание правительства «народного фронта» из социал-демократов и коммунистов Западной Германии со включением этих самых истинных или демократических коммунистов Восточной Германии. Если отбросить элемент «демократических коммунистов» этот план полностью совпадает с планом конфедерации, который был предложен Ульбрихтом еще в конце 50-х годов в согласии Москвы, и был тогда отвергнут всеми демократическими партиями Западной Германии. Мы, живущие в Германии, ожидали, что после того, как правительство Брандта отказалось от всякой мысли воссоединения Германии, предложения воссоединения и обращения к национальному чувству немцев придут с Востока. Но если бы подобный план предложил теперешний наследник Ульбрихта Хонеккер, то ему был бы гарантирован дружный отпор всех демократических партий, так как этот план не представляет из себя ничего иного, как попытки коммунизации всей Германии. Но вот такой же план предлагает якобы оппозиция, на которую, конечно, сейчас же напал Хонеккер. И даже консервативные партии Западной Германии не затрудняют себя анализом, есть ли вообще такая «коммунистическая оппозиция», или же (как утверждают эксперты) весь план выработан «службой безопасности» того же Хонеккера (восточно-германского КГБ), не спрашивают себя, возможны ли вообще «демократические коммунисты», не удивляются, что план так точно совпадает с ульбрихтовским, но приходят в восторг,

что в подъяремной Восточной Германии не погибло национальное чувство, что оттуда идет национальный импульс.

Снова все внимание свободного мира, в данном случае преимущественно свободной части Германии, обращается на якобы существующую коммунистическую или социалистическую оппозицию, то есть на неантагонистическое противоречие по отношению к режиму, которое коммунизму гибелью не грозит, но зато прозит гибелью свободному миру. Истинная же и героическая антикоммунистическая оппозиция забывается. Пока этот манифест большой роли в общественном мнении Западной Германии не сыграл, но это только начало. Попытки будут повторяться.

Создается интернациональная солидарность левой «оппозиции» существующим коммунистическим режимам. В Восточной Германии сейчас находится в заключении «оппозиционный» марксист Баро. За него недавно заступился вождь испанских коммунистов Карильо, заявив, что Баро должно быть дано право свободно высказывать свои взгляды. Баро, вероятно, будет скоро выпущен в Западную Германию. Заступился бы Карильо за находящегося в тюрьме антикоммуниста и антимарксиста и потребовал бы для него свободы слова? Конечно, нет! Свободу слова должны иметь только коммунисты и марксисты разных толков. Французские коммунисты очень заступались за коммуниста Л. Плюща, но в защиту Огурцова нельзя было выступить даже на Сахаровском слушании.

Так замалчиванием с одной стороны, рекламой с другой создается впечатление, что существует или достойна поддержки только левая, коммунистическо-социалистическая, легальная, неантагонистическая режиму оппозиция. И тем самым приводится к молчанию или уничтожается истинная принципиальная антикоммунистическая оппозиция. Если удастся ее окончательно ликвидировать и убедить весь мир, что право на существование имеют только «коммунисты с человеческим лицом», социалисты и советские легалисты, наступит время для «синтеза», то есть для слияния этой «оппозиции» с существующими режимами. Те же, кто был лично искренним и верил, что это и есть настоящая оппозиция, те будут просто ликвидированы физически. Ведь это не впервые.

Русская общественность мало информирована о том, что в действительности происходит на радио-станции Свобода. Об этом было напечатано много статей в американской, немецкой и советской прессе, но большинство этих статей так или иначе искажало действительное положение. Поэтому мы находим нужным напечатать ряд документов без всяких комментариев и дать тем самым читателям возможность судить самим.

Отметим только, что г-жа Рахиль Федосеева подала не только в гражданский суд жалобу на пять других сотрудников радио Свобода, но до этого на 19 из числа 70 подписавших меморандум от 18.1.1977 г. в рабочий суд. Этот суд жалобу г-жи Федосеевой отклонил. Она подала апелляцию в высшую инстанцию на 3 из 19. Решения этой инстанции еще нет.

Ниже мы публикуем меморандумы и письма, поведшие к судебному разбирательству, а затем решение Мюнхенского гражданского суда.

Редакция

МЕМОРАНДУМ Р. ФЕДОСЕЕВОЙ НА ИМЯ Фр. РОНАЛЬДСА
от 13 января 1977 г.

Кому: г-ну Рональдсу
От: Рахили Федосеевой
О чем: г. Леонид Плющ

Всю мою жизнь я считала, что гость в доме имеет право по крайней мере на вежливый прием. Я думаю также, что не я одна придерживаюсь такого мнения.

На мой взгляд, г. Плющ не получил такого приема в нашем доме — на Радио Свобода. Однако, я не стала бы беспокоить Вас письменно, если события вокруг г. Плюща не были бы столь характерны для того, что делается уже более года на РС.

Не является ли вчерашнее собрание Клуба, как и пасквиль г-на Оганесяна, естественным результатом Вашей политики непривлечения к ответственности тех, кто уже долгое время нарушает мир и нравы в Русской Службе?

Не получила ли здесь свое логическое развитие кампания, столь успешно начатая г-жой Семеновой и теми, кто стоит за ней?

И не произошло ли это потому, что она и ее сообщники остались ненаказанными? Безнаказанными в любом смысле и вольными продолжать свое дело, именно потому что для обеих сторон ясно, что руководство РС ничего не сделало и не делает. В результате этой политики «невмешатель-

ства», в атмосфере, созданной г-жой Семеновой и фактически поддержанной Вашей, так называемой реорганизацией, мы явились свидетелями поистине позорного приема г-на Плюща.

Я не хочу этим сказать, что никто не имеет права задавать вопросы, не соглашаться с ответами или даже не одобрять заявление г-на Плюща, считающего себя нео-марксистом.

Чего я ожидала, это что Вы (или назначенные Вами руководители) не останетесь безразличными — снова! — к явно антисемитским высказываниям г-на Оганесяна.

Не обязаны ли были Вы, как директор РС, как американец, как приличный человек, сказать здесь свое слово? В особенности после собрания.

Мне кажется, что в результате этого последнего примера Вашего личного «невмешательства» г. Оганесян осмелился написать и распространять опасно клеветнический документ.

Копии: Микельсон, Скотт, Так, Лодезен.

г. У. СКОТТУ

Копии: г.г. Фр. РОНАЛЬДСУ, Р. ТАКУ, Дж. ЛОДЕЕЗЕНУ, А. ПЕРУАНСКОМУ

На встрече с г-ном Плющом (12.1.77) г. Оганесян заявил, что евреи — энтропийная сила, т. е. сила, ведущая к вырождению мира. На другой день он распространил на станции опус под названием: «Марксизм, фашизм, энтропия и Леонид Плющ», в котором исказил слова Плюща, оскорбил его и вновь высказался, что предназначение евреев — способствовать гибели мира.

Эти заявления г. Оганесяна, на наш взгляд, венец разгула нацистских настроений на РС. Начало положила г. Семенова своим меморандумом о засилье на РС новых эмигрантов, «руссофобов» и исчезновении «русского духа» в передачах РС. Свои меморандумы она, как известно, направляла и в прессу, и крайне правая русская пресса начала после этого антисемитскую кампанию против евреев на РС, которая была подкреплена погромной листовкой, подписанной именами Карпова и Гаенко.

Что же касается г. Оганесяна, то, напомним, что свои антисемитские высказывания он делал и перед микрофоном РС. Например при записи беседы за круглым столом по национальному вопросу в декабре 76 г., он заявил, что евреи в СССР не имеют ос-

нований называть антисемитизмом меры советских властей, направленные против евреев, желающих эмигрировать.

При записи следующего круглого стола по нацвопросу г. Оганесян изложил нацистскую доктрину о том, что государства, граждане которых обладают большими правами, слабее государств, в которых гражданских прав меньше, и сравнил их со стаями животных, в которых сильнее или слабее власть вожака. На этом основании г. Оганесян сделал вывод, что интересы и права нации должны быть превыше прав человека.

Несмотря на все это г. Оганесян впоследствии был вновь приглашен к участию в беседе за круглым столом по нацвопросу.

В свое время, при начале антисемитской кампании, руководством РС не было принято, на наш взгляд, достаточно решительных мер для пресечения этой кампании в стенах РС. С тем большим основанием мы требуем сейчас положить конец разгулу черносотенства на станции и, прежде всего, не допускать к микрофонам РС людей, исповедующих нацистские взгляды.

В. Белоцерковский.

**INTEROFFICE MEMORANDUM
RADIO LIBERTY
Munich Office**

18 января 1977 г.

**TO: Уолтеру К. Скотту, вице-президенту РС/РСЕ,
через Френсиса С. Рональдса**

FROM: от нижеподписавшейся группы сотрудников РС/РСЕ

SUBJECT: разжигание национальной вражды на РС

В последнее время группа сотрудников РС пытается разжечь национальный антагонизм, восстановить одни группы сотрудников против других, а также методами клеветы и провокации нарушить деловую атмосферу внутри РС. Эти попытки представляют собой совершенно новое явление, не имевшее места в течение 25-летнего существования Радио Свобода; они резко противоречат политической линии РС, а также представляют собой нарушение законов страны, в которой проживают и работают сотрудники РС, поскольку разжигание национального антагонизма и расовой ненависти являются в ФРГ уголовно наказуемыми преступлениями.

В числе указанных попыток следует перечислить следующие:

- ◆ меморандум В. Белоцерковского от 14 января 1977 г.,
- ◆ провокационный выпад Л. Роймана против сотрудника армянской редакции Э. Оганесяна вечером 13 января 1977 г. и
- ◆ меморандум Р. Федосеевой от 13 января 1977 г.

1. В отношении меморандума Белоцерковского следует отметить, что он составлен в типично советском стиле огульных обвинений, смешивающих вещи, друг с другом не связанные, и содержит клевету, стремясь путем доноса побудить руководство РС/РСЕ

к принятию административных мер против сотрудников РС. Уже первая фраза и весь первый абзац этого меморандума содержат явную клевету: Оганесян, ни на встрече с Плющом, ни частным порядком не делал сам приписываемых ему Белоцерковским заявлений, а лишь комментировал сообщение Плюща о заявлениях третьих лиц в СССР о евреях, отметив, что с научной точки зрения нет причин обижаться на сравнение с «энтропийной силой», поскольку таковая представляет собой объективную реальность физического порядка, не содержащую в себе нравственных оценок. Совершенно то же сказано и в записке Оганесяна частного характера, которая без малейших к тому оснований квалифицируется Белоцерковским как антиеврейский документ. Видимо рассчитывая, что руководство РС/РСЕ не знакомо с этой запиской, Белоцерковский искажает ее смысл, придавая ему антисемитский характер, что представляет собой факт заведомой клеветы.

В том же меморандуме Белоцерковский говорит далее о «разгуле нацистских настроений на РС», начало которым якобы положил меморандум г-жи В. Семеновой о недостатке «русского духа» в передачах русской редакции РС. Следует отметить, что понятия «нацизм» в применении к национально-русской позиции документов В. Семеновой крайне оскорбительно для всех русских вообще. Это — типично советский метод, заменяющий аргументацию приклеиванием ярлыков. Даже если меморандум Семеновой действительно стал бы поводом для не обозначенной Белоцерковским точно «крайне правой русской прессы» критиковать РС или ее сотрудников, то делать за это ответственной В. Семенову — тоже типично советский метод приписывать одним лицам результаты действий совершенно иных, третьих лиц. Термин же «разгула», употребляемый Белоцерковским, не может, естественно, относиться к только двум лицам, а порочит всех сотрудников РС, как и руководство радиостанции.

Белоцерковский называет далее «антисемитскими» слова Оганесяна в беседе за круглым столом, что запрет евреям выезда из СССР нельзя квалифицировать как антисемитизм, поскольку такой запрет распространяется на всех без исключения граждан СССР. Это — также невежественная клевета, однако и здесь целью ее является восстановление одних национальностей внутри РС против других и побуждение администрации к принятию против Оганесяна репрессивных мер.

Белоцерковский критикует далее в сво-

ем меморандуме слова Оганесяна о том, что управляемый диктаторски СССР находится в лучшей тактической позиции на международной арене, чем вынужденные считаться с общественным мнением западные демократии. Как известно, это — общепринятое и многократно повторяемое в свободной печати мнение. Изображать его как «нацистскую доктрину» свидетельствует опять-таки, помимо невежества автора, о его стремлении представить РС как сборище нацистов, проповедующих фашистские идеи, что полностью заимствовано из арсенала советской пропаганды.

2. Столь же провокационный характер носит выпад Ройтмана против Оганесяна на праздновании дня рождения одного из сотрудников русской редакции в студии № 22 вечером после работы 13 января с. г. Полная необоснованность и беспричинность этого выпада и его «тайминг» с меморандумами Белоцерковского и Федосеевой наводят на мысль, что это совпадение не случайно. Придя без приглашения на празднование, Ройтман, не будучи к тому ничем и никем спровоцированным, обрушился на Оганесяна с площадной бранью, обозвав его самозванцем, ничего не понимающим в математике, и фашистом-антисемитом, который не сознается в этом только из трусости. Присутствовавшие при этом, из числа нижеподписавшихся, свидетельствуют, что потребовав от Оганесяна подписать на клочке бумаги, что он антисемит и фашист, Ройтман заявил всем присутствовавшим, что он добьется от администрации увольнения Оганесяна со службы.

3. Как стало теперь известно, в тот же день 13 января с. г. был написан и меморандум г-жи Р. Федосеевой, в котором поражает сходство формулировок с меморандумом Белоцерковского и выпадами Ройтмана.

Нижеподписавшиеся заявляют, что в результате действий Белоцерковского, Ройтмана, Федосеевой и других на РС уже создалась атмосфера недоверия и враждебности, работать в которой становится все менее возможным. Они заявляют также, что не намерены быть объектами огульных обвинений персонала русской редакции в «разгуле нацистских настроений», которые, именно благодаря своей огульности и неопределенности, могут быть произвольно приложены к любому из сотрудников, в чем-либо несогласных с указанными лицами. Нижеподписавшиеся констатируют также, что кампания клеветы против отдельных сотрудников национальных редакций и против

всей русской редакции РС объективно служит, с одной стороны, целям компрометации РС перед Американским Конгрессом, который естественно, не станет материально поддерживать сборище нацистов и фашистов, а, с другой стороны, является желанным подтверждением для советской пропаганды, которая, как известно, всегда утверждала о РС и РСЕ совершенно то же самое, что содержится в меморандумах и заявлениях указанных лиц.

Нижеподписавшиеся констатируют также, что перечисленные действия данной группы лиц не только нарушают политическую линию РС/РСЕ, направленную на сотрудничество всех национальностей на РС между собой, но и должны квалифицироваться как сознательное и провокационное

разжигание национальной вражды и расовой ненависти, что представляет собой в ФРГ уголовно наказуемое действие. Сохраняя за собой право обратиться в профсоюзные и судебные инстанции ФРГ, нижеподписавшиеся заверяют администрацию, что они готовы полностью поддержать все мероприятия, которые полагат конец нынешней кампании клеветы и провокаций, порочащих доброе имя радиостанции, и приведут к восстановлению на РС/РСЕ дружественной и рабочей атмосферы, которая царила здесь на протяжении 25 лет.

Меморандум подписан 70-ю сотрудниками РС из разных национальных редакций. В числе подписавших есть и еврейские сотрудники русской редакции.

Г-ну ВИЦЕПРЕЗИДЕНТУ РСЕ/РС В. СКОТТУ
через
ДИРЕКТОРА РАДИО СВОБОДА г-на Ф. РОНАЛЬДСА

От Виктории Семеновой
сотрудницы русского отдела

Господин Вицепрезидент,

В меморандуме от 14.1.77 адресованном Вам, г-н Белоцерковский написал следующее: «На встрече с г. Плющом (12.1.77) г. Оганесян заявил, что... Эти заявления г. Оганесяна, на наш взгляд, **венец разгула нацистских настроений на РС. Начало положила г. Семенова** своим меморандумом о засилье на РС новых эмигрантов, «русофобов» и исчезновении «русского духа» в передачах РС. Свои меморандумы она, как известно, направляла и в прессу... и т. д.

Примите мой протест по поводу возводимой на меня клеветы и оскорбительных, порочащих мое имя, обвинений.

Первое. 12.1.77 на встрече с г-ом Плющом я не присутствовала, потому что была занята неотложной работой. За выступление г-на Плюща или сотрудников-коллег, включившихся в дискуссию, по всем законам, да и просто в силу здравого смысла ответственности не несу.

Второе. О каком моем меморандуме, пожившим начало, идет речь? Может быть Белоцерковский имеет в виду мое Открытое письмо? То в нем ни о каком засилье новых эмигрантов или русофобах ни слова нет. Речь в этом письме идет о **заявлении**

г-на Матусевича, главного редактора русской редакции, что: **«у нас передачи ведутся не для русского народа, а для советского на русском языке»**. Именно это провокационное заявление и положило начало выяснению задач русского радиовещания и проверки людей, насколько они с этими задачами справляются.

Согласившаяся с этим заявлением г-на Матусевича г-жа Федосеева и подтвердившая его, не может не знать с **кого** и с **чего** «все» началось. С какой целью она и Белоцерковский искажают действительность? Это все равно, что обвинить в преступлении корреспондента напечатавшего о взломе или изнасиловании заметку в газете. С него мол началось!

Третье. «Разгул нацистских настроений на РС», «Антисемитская кампания против евреев на РС», «Разгул черносотенства на станции» — чему я, по словам Белоцерковского, положила начало.

За наш бескомпромиссный антикоммунизм и преданную работу на РС мы не раз подвергались нападкам со стороны советской прессы и навешивание на нас ярлыков по сфабрикованным в КГБ трафаретам для нас не новость. Новость другое, это то, что безответственный меморандум Белоцерков-

ского удивительным образом переключается с подобного рода фальшивками.

Антисемитизм. Этот термин впервые появился у нас на РС с приходом некоторых сотрудников. Цену ему мы очень скоро узнали. До этого мы двадцать лет работали совместно с людьми разных национальностей. В русской редакции были украинцы, белорусы, поляки, евреи, кавказцы и др. и никогда со стороны русских не было даже намека на нежелание сотрудничать с ними, хотя, сколько мне известно, в национальных редакциях РС русских сотрудников нет. О каком же тогда шовинизме, нацизме и прочем может быть речь? Не говорит ли это положение вещей как раз об обратном? О терпимости, чувстве солидарности и братстве?

Впервые ярлык «антисемитки» на меня был навешен после того самого совещания, на котором я заикнулась о русском духе.

На РС много людей, в том числе и евреев недавно приехавших из Советского Союза, людей с противоположными мнениями по поводу политики, культуры, искусства, национального вопроса. И все это прекрасно уживается между собой. Люди договариваются, спорят, вместе работают, дружат. Но есть группа людей, воспитанных в ком. Но есть группа людей, воспитанных в ком. еще не узнавшем, что такое свобода и де-

мократия, людей, с которыми, не дай Бог не согласиться во мнении!

Если вы не согласны с заявлением Матусевича, что передачи РС не предназначены для русского народа... то вы антисемит! Если вам не нравится «третий путь» Белоцерковского и вы не согласны с его определением, что русским патриотом, националистом может быть только «деморализованный, полубездарный, полуинтеллигент», как пишет Белоцерковский, — то вы антисемит и черносотенец! Если вы протестуете против кошунственных выпадов Федосеева и его программ, в которых он оплевывает идею защиты русских исторических памятников, поносит русских инакомыслящих — концлагерников — то вы антисемит! Пора прекратить этот террор — навешивание ярлыка в антисемитизме на людей всего лишь не согласных во мнении с этой группкой. Эта истерия создается искусственно, не имеет под собой никакой почвы. Люди, занимающиеся клеветой и провокацией оказывают плохую услугу народу, от имени которого они пытаются выступать.

Атмосфера стресса, создаваемая этими людьми, мешает нормальной и плодотворной работе к которой мы все призваны.

С глубоким почтением

В. Семенова.

Копии: г-ам Р. Таку, Д. Лодезену, А. Перианскому.

**РЕШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДА г. МЮНХЕНА ПО ДЕЛУ
Р. ФЕДОСЕЕВОЙ ПРОТИВ И. ЕЛЬЦОВА, М. МАСАЛОВИЧА,
Р. ГЛАШАНА, Л. КОРНЕЙЧУКА и Р. ГЕЛИШАНОВА
от 28 апреля 1978 г.**

Решение.

1. Иск отклонен.
2. Истица обязана уплатить судебные издержки и необходимые расходы, выпавшие на долю обвиняемых.

Обоснование.

1. Как истица, так и обвиняемые — сотрудники радио-станции Свобода в Мюнхене.

18. 1. 1977 г. 70 сотрудников радио Свобода написали меморандум — его немецкий перевод содержится в судебных актах на листах 6-9. Пять обвиняемых были в числе подписавших этот меморандум. Меморандум был адресован вице-президенту радио Свобо-

да и протестует против того, что по мнению подписавших группа сотрудников радио Свобода старается сеять вражду между различными национальностями, натравливает одних сотрудников на других и нарушает рабочую атмосферу на станции клеветой и провокациями. При этом авторы упоминают письмо сотрудника Белоцерковского от 14. 1. 1977, выпад сотрудника Ройтмана против сотрудника Оганесяна 13. 1. 1977 и письмо истицы от 13. 1. 1977 г. Они заявляют, что вследствие действий названных лиц и других на радио Свобода уже создалась атмосфера недоверия и враждебности, которая в возрастающей степени затрудняет работу.

В письме от 13. 1. 1977 истица обрати-

лась к директору радио Свобода и критиковала определенное происшествие, когда сотруднику Плющу якобы было отказано в минимальной вежливости. Этот случай она считает характерным для того, что происходит на Свободе в течение года. Те, кто давно нарушает мир и нравы на Русской Службе, не привлечены к ответственности.

На это письмо истицы ссылаются меморандум, подписанный обвиняемыми и так же еще 657ю сотрудниками радио Свобода. Истица усматривает в меморандуме от 18.1.1977 состав преступления оскорбления и клеветы согласно параграфу 186 Свода Законов.

2. Иск отклонен согласно параграфу 383 Свода Законов как необоснованный, так как нет обоснованного подозрения против обвиняемых. В их пользу говорит оправдательное обоснование согласно параграфу 193 Свода Законов.

Меморандум 70-ти сотрудников радио Свобода, из которых истица выхватила 5, должен быть рассмотрен в связи с письмом истицы от 13.1.1977 г. В этом письме (фотокопия перевода находится в судебных актах на страницах 4-5) истица жалуется на якобы «позорное отношение» к сотруднику Плющу, на якобы антисемитские высказывания другого сотрудника, на якобы кампанию сотрудницы Семеновой и ее клики и обращается против направления радио-станции, при котором существует политика «непривлечения к ответственности тех, кто долгое время нарушает мир и нравы в Русской Службе».

Для вопроса, должны ли обвиняемые быть осуждены в смысле обвинения, письмо от 13.1.1977 г. не без значения. При этом дело не в оценке намерений, служебной позиции или другой миссии истицы, но только в том, что письмо истицы и другие акции 13 и 14 января 1977 г. должны были повлиять на обвиняемых и других сотрудников, подписавших меморандум от 18.1.1977 г.

При чтении письма истицы бросается в глаза, что здесь дело идет о массивных обвинениях, написанных начальнику, где речь идет не об одном случае (о якобы невежливом и позорном обращении с г-ном Плющем), но выставляется требование служебных мероприятий против коллег, причем истица говорит о «клике», «кампании» и о том, что есть сотрудники, которые «долгое время нарушают мир и нравы в Русской

Службе». Если принять во внимание, что недоразумения между сотрудниками могут быть разрешены в дружеских разговорах с глазу на глаз, это письмо следует объективно рассматривать как ошутимое нарушение мира на предприятии. Мероприятия начальства против других сотрудников вызвали бы новые недоразумения, жалобы и трения. Можно было опасаться, что усиливающиеся ссоры набросят в общественности тень на радио Свобода и поставят под вопрос дальнейшее финансирование станции со стороны американских учреждений. По меньшей мере, нельзя отрицать, что обвиняемые субъективно могли иметь такое впечатление.

Поэтому письмо обвиняемых от 18 января 1977 являлось реакцией на предшествовавшее письмо истицы и другие акции 13 и 14 января 1977 г. и по убеждению суда полностью покрываются оправдательным обоснованием параграфа 193 Свода Законов (действия согласно обоснованным интересам). Обвиняемые и другие подписавшие очевидно действовали так, чтобы отвести угрозу, нависшую над всем предприятием. При этом они имели право принимать во внимание и свои интересы, как это признается при судебном разбирательстве относительно членства в ограниченном кругу лиц, связанных друг с другом.

Уже по одному этому жалоба истицы представляется необоснованной, так как меморандум обвиняемых оправдан по выше означенным причинам.

Поэтому не нужно даже затрагивать другого соображения, которое привело бы к таким же результатам. В этой связи следует, однако, указать на разработанные принципы судопроизводства в спорах подчеркнутых политических организаций. Свод Законов разработал принципы, где необходимая возможность свободной критики дается в пределах разрешенного и включает те случаи, когда данная личность имеет обоснованную причину для упреков, созданную провокационным поведением другого. Не нужно много говорить о том, что истица своим письмом сама вызвала реакцию обвиняемых.

Тем самым и под углом зрения разрешенного «ответного удара» иск представляется необоснованным.

3. Согласно параграфам 464, 471 отд. 2 Свода Законов истица несет все судебные издержки и ставшие необходимыми расходы обвиняемых.

Письмо в редакцию

18 февраля 1978 г. Нью Йорк США.

Многоуважаемая Вера Александровна, хочу воспользоваться предоставленной моим старым другом Игорем Синявиным возможностью (он посвятил меня в некоторые аспекты вашей переписки), чтобы коснуться темы, которая, кажется, является предметом одного из самых Ваших жестоких разочарований. Заранее прошу прощения за непрошенность этого письма. Лышу себя надеждой, что дальнейшее чтение несколько скрасит Вашу естественную досаду на незнакомого человека, бесцеремонно вторгающегося как в дефицит Вашего времени, так и, возможно, в устоявшийся круг Ваших идей.

Речь, как Вы уже наверное чувствуете, пойдет о нас — 3-й эмиграции, и о взаимоотношениях с вами — эмиграцией 1-2-й. В этом пункте, как следует из некоторых знакомых мне материалов (Ваших статей, письма Синявину и т. д.), Вы и испытываете горечь несбывшихся надежд.

Определяю сразу, в чем, по моему мнению, состояли эти надежды. В том, что в лице нас, диссидентов-эмигрантов 3-й волны, вы рассчитывали встретить не только непримиримых борцов против коммунизма, но и ваших идеологических последователей. Вы получили первое, но просчитались во втором.

Да, как и вы — старшее поколение эмиграции — мы психологически, идеологически, нравственно не приемлем коммунизм в любых его формах — восточно-европейской, западно-европейской, азиатской... Мы антикоммунисты, т. е. отрицаем коммунизм в корне. Но на этом наше с вами единство, боюсь, кончается. Оно ограничено общей сферой отрицания, это отрицательное единство единство в отрицании, и здесь, действительно, — как по объему, так и по предмету — между нами полное единодушие. Но как только делается следующий шаг — в сферу положительную, в сферу альтернатив коммунизму, — сразу между нами обнаруживается пропасть, которую пока нечем перекрыть. И обусловлена она не столько нашим различным жизненным опытом, сколько исторической ситуацией, тем перепадом исторических времен, на сломе которых мы все сейчас живем. Но оказались мы — к несчастью или к счастью — на противоположных сторонах этого слома, оказались людьми поистине «разных планет» (так выразился один мой знакомый из 1-й эмиграции,

покинувший Россию уже около 45 лет тому назад).

Все дело в том, что ваш антикоммунизм — докоммунистический. Или, в лучшем случае, раннекоммунистический (я говорю в обоих случаях лишь о коммунизме в России, начиная с большевистского переворота). Это лишь поверхностному взгляду может показаться, что любое «анти» появляется всегда после отрицаемого. На самом деле оно не «после», а «до», и поэтому в нем нет ни грама положительного содержания, нет ничего нового. Оно либо пусто — голое отрицание, — или если пытаются что-то утверждать, то лишь путем прямолинейного возврата к старому, к тому, что было до предмета отрицания.

Современный антикоммунизм, направленный на советский коммунистический режим, во всех его так называемых «положительных» программах — от монархической до демократической — есть лишь прямое отступление к прошлому, докоммунистическому состоянию нашей страны. И как таковой он анахроничен, антиисторичен. Ибо нарушает хронологию жизни, согласно которой именно коммунизм в России пришел на смену некоммунистическим формам, следовательно, оказался сильнее этих форм (о причинах этого я здесь не говорю). И если, как рекомендуют современные патентованные антикоммунисты из русской эмиграции, начать все сначала, то по неумолимой логике этой хронологии все опять придет к чему-то вроде коммунизма (может быть, и хуже), или вообще в междоусобной борьбе погибнет Россия.

Коммунизм сам уже есть прошлое. А прошлое не изгнать простым «нет». Оно имеет свойство возвращаться. И чтобы преодолеть его, надо считаться с ним, но в то же время постараться избежать его, не повторить, но преодолеть историческим чутьем, живым ощущением уровня и задач нашей исторической эпохи.

Я думаю, что сейчас только антикоммунисты последнего освободительного движения в СССР обладают этим чутьем. Почему? Да потому, что это люди уже посткоммунистического склада в полном смысле этого слова. Они вобрали в себя весь коммунизм со всеми его предтечами и до его последних низин, для них уже не осталось в нем никаких магических тайн, никакого прельщения, даже соблазна голого отрицания. Коммунизм для них закончен не только идеологически, психологически, со-

циально, он закончен исторически, экзистенциально, исключен из человеческого бытия вообще. Они просто превзошли, пережили, изжили коммунизм, — и прежде всего в самих себе.

Но и обратно, — коммунизм в этих людях также заканчивает свое существование. Вообще надо, видимо, признать, что коммунизм в России добился своей главной цели — вывести новую породу людей, «советский человек». Но добился этого не в народной массе, которую он лишь основательно развратил, а в одиночках, в «интеллигентах», если употребить это несколько скомпрометированное слово. И, по терминологии Маркса (простите, лучшая не пришла здесь в голову), произвел на свет своего могольщика. Это — теперешний советский диссидент. Диссидент, являющийся главным внутренним врагом советской власти, преследуемый ею со всем ожесточением, страхом и яростью, парадоксальным образом являет собою как раз законченный тип советского человека. Диссидент — это сливки, квинтэссенция советского образа жизни и мысли, совершеннейший продукт коммунистической системы. И как таковой он самый страшный, смертельный враг этой системы, подлинный антикоммунист, ибо в нем коммунизм, развив все потенции, сам себя отрицает, естественно заканчивает свое бытие. В отличие от первого русского «революционера» Радищева, который некогда «взглянул вокруг себя и душа... страдающими человеческими уязвлена стала», последний русский революционер — диссидент — заглянул в себя. И ужаснулся, отшатнулся от самого себя, ибо увидел, осознал, что такое полностью реализованный в человеке коммунизм, увидел, подобно Лютеру, глубины ада. А затем пошел и стал прибавать свои «тезисы» к стенам коммунистических храмов. Вот, собственно, суть современной русской реформации, называемой «диссидентским» освободительным движением: она, как и все подлинные реформации, в основе своей экзистенциальна, религиозна.

3-ей эмиграции, как и диссидентского движения вообще, строго говоря, быть не должно. Это противоречит всем основам коммунистического режима. Но они есть — как неопровержимый факт заката коммунизма, который сам и в самом себе выработал смертоносные антитела. И поэтому диссидентское движение — как и частное следствие его, эмиграция (я абстрагируюсь сейчас от специфической еврейской эмиграции, имеющей свои дополнительные корни) — идут и будут идти помимо воли ком-

мунистов, ибо процесс это спонтанный, естественный, порожденный не волей тех или иных коммунистических правителей или их сговором с Западом, но исторической логикой развития системы, прошедшей свой апогей и органически, закономерно заканчивающей свое существование.

Диссидентское движение и эмиграция — первый признак одряхления системы, крушения ее принципиальных основ, снижение ее жизненных сил, ее архаичности и анахроничности, ее заката. Поэтому я и сказал выше, что коммунизм в России — это уже историческое прошлое.

Вы ожидали, что приедут люди антикоммунистического подполья, антикоммунисты традиционного монументального образца, загнанные и затравленные торжествующим зверем. Но приехали другие антикоммунисты, люди вершин, которые вскарабкались, конечно, не на вершины мировой культуры (за «железным занавесом» это вряд ли возможно), но зато овладевшие «зияющими высотами» коммунизма, «высотами» антикультуры. И когда мы оказались на этих «высотах», нас опалил не солнечный свет, а пылающие костры инквизиторской преисподней. И мы сначала ужаснулись, но затем мужественно ринулись вниз с горы, но в сторону противоположную той, откуда пришли, — в сторону будущего. И тяжкий груз прошлого, который мы с собой пронесли, сейчас лишь ускоряет наше движение.

Но мы знаем, что на противоположной стороне горы, в пещеру, подобную платоновской, забились люди с сизифовым камнем прошлого, антикоммунисты-докоммунисты, желающие выйти и втащить этот камень на вершину, дабы завалить пылающий там коммунистический костер. И нам искренне жаль этих смелых, честных, высокой культуры людей, обреченных своей чрезмерной приверженностью к прошлому на неблагодарный сизифов труд, на провал в пропасть прошлого. И мы как бы слышим издевательский смех Мефистофеля, раздающийся из коммунистического вертепа в ответ на эти несчастные потуги.

Старорусская антикоммунистическая эмиграция, замороженная, как птицей Феникс, видениями «великого прошлого», забыв в этом сне, что именно этому прошлому обязаны мы настоящим, рукоплескала диссидентам как героям лишь когда видела в них слепок и повторение самой себя, видела возврат к ранним и традиционным антикоммунистическим движениям... Рукоплескала до тех пор, пока не познакомилась с диссидентами воочию. И тогда пришло ра-

зочарование, — естественное следствие всякого априорного, романтического, субъективно-ретроспективного, не основанного на фактах очарования.

Все очень просто. Не имея истинного представления о подсоветских условиях — как стараниями большевиков, отрезавших Россию от мира; так и собственными усилиями, изолировавшими эмиграцию в ее абстрактно-отрицательном антикоммунизме от понимания России реальной, коммунистической — она, эта эмиграция, составила себе картину диссидентского движения, исходя не из фактического, а из желаемого (ее прямолинейным антикоммунистическим настроением) положения вещей, которое и приняла за действительное. Не удивительно, что романтическая картина эта, составленная «по образу и подобию» ее создателей, развалилась при первом столкновении с «фактами», — с живыми диссидентами, этими сколками советской системы, оказавшимися на Западе. И контраст оказался столь разительным, что психологически вполне объяснима обратная реакция 1-2-й, в результате которой то, что еще вчера служило предметом априорного некритического восторга и поклонения, сегодня превращается в предмет столь же субъективной некритической «критики» и поношения. И без малейшей попытки объективного анализа. Такова эта нехитрая «психодиагностика», в сети которой, однако, часто попадают даже умудренные жизненным (но, к сожалению, не историческим) опытом и высокообразованные люди. 1-2-я эмиграция — в своей оценке 3-й волны — как раз и пала жертвой этого развернувшего ее на 180 градусов «психодиаlectического» маятника. Ибо явившийся советский диссидент никак не вписывался в принятый здесь монолитный антикоммунистический стандарт. Он оказался весь покрыт «родимыми пятнами советизма», — в языке, манерах, образе поведения, в оценке, наконец, того что происходит и должно произойти на Западе и в России.

И выражение «родимые пятна советизма» — еще слишком мягкое выражение, пущенное в ход старой эмиграцией лишь в силу присущей ей воспитанности. В глубине же души, я уверен (да и слышал не раз), она считает диссидента стопроцентно советским, не ужившимся с системой отнюдь не по принципиальным мотивам. И, как ни странно, она права, только правота ее, так сказать, с о б р а т н ы м з н а к о м.

В самом деле, советский диссидент не просто покрыт различными рудиментами советизма, он плоть от плоти и кровь от кро-

ви коммунистической системы, взрастившей и выкормившей его своей отравленной пищей чуть ли не с пеленок. Но все дело в том, что его здоровому в основе организму посчастливилось переработать этот яд в лекарство, и именно благодаря этому он не загнал болезнь внутрь, но полностью от нее излечился. «Родимые пятна советизма» — лишь легкая поверхностная сыпь, лишь вторичный симптом, свойственный именно выздоровевшему, преодолевшему болезнь, крепкому уже организму. Принимать же ее за саму болезнь и есть тот самый оптический обман, романтическая aberrация внутреннего зрения, о которой я уже говорил. Она и дает в сознании 1-2-й вывернутое изображение подлинного облика советского диссидента, где внешняя форма принимается за внутреннее содержание.

И учтите, советский диссидент — все же не только «советский», он прежде всего диссидент, оппозиция коммунистическому режиму, следовательно, все же антикоммунист. И это противоречие ставит в тупик старую эмиграцию, превращает в ее глазах диссидента в некий сфинкс, нераскрытую еще величину X в формуле антикоммунизма, которая доселе не содержала в себе никаких неизвестных величин. Но вот — она появилась. И в разгадке этого явления, которое до сих пор так трудно переварить нашим стойким предшественникам антибольшевистской борьбы, кроется дальнейшая судьба самой этой борьбы и единство всех ее сил. А также судьба нового, позитивного «антикоммунизма» (уже в кавычках!), который бы не бессодержательно отвергал коммунизм, оглядываясь лишь назад, двигаясь «спиной вперед», но выдвигал бы альтернативы, реально и мужественно вступая в диалог не с архаическими реминисценциями прошлого, но с задачами современной эпохи, с историческим интегралом, включающим преодоленное «то, что было» в то что должно, призвано быть.

А теперь разрешите представиться. Петр Матвеевич Болдырев, 41 год. Родился в Ленинграде. Закончил Лен. университет по философскому факультету. На западе — 11½ года. Живу и работаю в США. Писал в самиздат и в свободную западную прессу. В диссидентском движении ближе всего примыкал к ленинградскому самиздатскому журналу «37».

Вышеизложенные мысли были (и, думаю, остаются) очень характерными для наших духовных поисков в России.

С искренним почтением

П. М. Болдырев.

СТРОЙ ГОСУДАРСТВА

Ответ:

Автор письма, П. Болдырев, предоставил на наше усмотрение опубликовать это письмо или нет. В случае публикации он считал, что нужно изменить начало, так как оно носит характер личного письма. Но я не вижу, где и что можно изменить, не сделав начала несколько непонятным. Поэтому я оставляю письмо, как оно есть, и отвечаю тоже отчасти лично, не только от имени второй эмиграции, к которой я принадлежу, но и от себя лично.

Прежде всего бросается в глаза, что начало письма написано явно не по адресу. Мне было почти забавно, что в свое время я, будучи студенткой Мюнхенского университета, говорила своему учителю; теперь покойному профессору Ф. А. Степуну почти те же самые слова: «Вы знаете только докоммунистическую Россию и самый ранний большевизм, я же выросла в махровом большевизме.» В самом деле, из собственного опыта я не знаю ни дореволюционной России, ни раннего большевизма, потому что родилась после революции и ранний большевизм застала разве что младенцем, когда, конечно, никаких наблюдений делать не могла. Поэтому мой антикоммунизм, так же, как, думаю, антикоммунизм всей второй эмиграции, даже и людей старших меня по возрасту, знавших еще дореволюционную Россию и ранний большевизм, все же антикоммунизм не докоммунистический, а самый настоящий посткоммунистический.

К нам так же не относится упрек, что мы системы не знаем. Я лично думаю, что знаю ее теоретически и практически очень хорошо, даже если я не знаю разных подробностей теперешней жизни в СССР. Не думаю, чтобы это было самонимением. Мне пришлось опубликовать в «Новом журнале» статью «Человек в тоталитарной диктатуре» (Н. Ж. № 87). Об этой статье мне говорили все те, кто в те годы смог «избрать свободу» (массового выезда тогда еще не было), что статья очень точно характеризует систему. Писатель Анатолий Кузнецов, бежавший в 1969 г., писал мне, что эта статья объяснила ему словами многое в системе, что он чувствовал, но не мог сам выразить. Так что упрек в незнании системы необоснован.

**

Должна так же лично для себя отвести предположение, что я ожидала найти в людях «третьей эмиграции» своих идеологи-

ческих последователей и... просчиталась (отвратительное, злое советское выражение: «враги просчитались!»). Ко мне лично это не относится уже просто потому, что я — не идеолог. У меня нет никакой идеологии, и я не люблю идеологий вообще. Я человек идейный, но идея и идеология — разные вещи. Тем менее я ожидала от кого-либо идеологического следования. Вообще я думаю, что если не большинство, то многие из первой и второй эмиграции встретили «третьих» без предвзятости.

Одного мы, однако, действительно ожидали: боевого антикоммунизма. И вот тут я лично стою перед известной загадкой письма П. Болдырева: он за всю «третью волну» говорит, что они — антикоммунисты, не приемлют никакого коммунизма, ни европейского, ни азиатского, и что в этом мы все — едины. Как ни приятно я этим изумлена, как ни готова я верить лично П. Болдыреву, — у меня нет ни малейшего основания ему в этом не верить, — я должна сказать, что как раз в этом пункте он является исключением из большинства проминенции «третьей волны». Сколько я ни напрягаю память, я не могу вспомнить ни одного ясного и прямого антикоммунистического заявления со стороны кого-либо из проминентных «третьей волны». Они, правда, критикуют систему или, вернее, отдельные недостатки системы, иногда они заявляют себя врагами всякого тоталитаризма или всякой диктатуры, скашивая при этом глаза на Чили или Иран (хотя в Иране монархия, а не диктатура), но они не заявляют себя антикоммунистами, противниками всякого коммунизма и марксизма. Есть среди них и такие, которые, напротив, считают себя сторонниками еврокоммунизма или другого «идеального коммунизма», как например, Плющ или Григоренко. Почти все они гораздо охотнее разговаривают с европейскими, канадскими или другими коммунистами, чем с эмигрантами-антикоммунистами. Я имею в виду вовсе не следование этим эмигрантам-антикоммунистам, но только разговор с ними. Но они к таким разговорам не склонны. Это нас, в самом деле, сначала разочаровало. Теперь мы видим, что с большинством из них невозможно разговаривать при наличии хотя бы нечистейшие тоталитаристы и не терпят инакомыслящих.

Но я решила в ответе следовать письму, поэтому к этой теме я позволю себе еще вернуться, теперь же отмечу с большой радостью, и это очень серьезно, что мой корреспондент — убежденный антикоммунист и никакого коммунизма не приемлет.

**

Теперь мы перейдем к самому, думаем, слабому месту письма П. Болдырева, именно к его историческому детерминизму. Он пишет, что ни монархия, ни демократия не могут быть российским будущим, потому что именно коммунизм сменил их и «отступление» к этим формам нарушило бы «хронологию жизни», т. е. все опять пришлось бы к чему-то вроде коммунизма или даже еще чему-то худшему (значит, может быть, и нечто иное, но что может быть хуже? — В.П.).

Историософия, которая здесь находит выражение в нескольких строчках, это исторический детерминизм. Он утверждает:

1) Что октябрьская революция в 1917 году была неизбежна и необходимо истекла из внутреннего строя как монархии, так и незрелой и едва начинавшей устанавливаться российской демократической республики,

2) что «прошлое имеет свойство возвращаться», т. е. при установлении в будущем в России монархии или демократической республики они окажутся точным слепком — монархия с последних дореволюционных дней, а демократическая республика — с временного правительства Керенского, — и затем снова им на смену придет коммунизм.

Мы решительно отвергаем оба тезиса. Я опубликовала книгу, к сожалению, она вышла пока только на немецком языке, — «Свобода и необходимость в истории», — и я не могу в коротком ответе изложить всей аргументации целой книги, но отмечу, что я не детерминистка и придерживаюсь причинного мышления. Разница между причинным и детерминистическим мышлением та, что человек, мыслящий причинно, соглашается с тем, что все явления имеют известные причины, но не соглашается с тем, что эти причины должны были неизбежно наступить, как это думает детерминист. Кроме того, недетерминист считает, что конкретные исторические ситуации, которые не истекают неизбежно из соответствующих систем, тоже могут оказаться причинами тех или иных исторических явлений. Детерминист такие «случайные» причины отвергает. Конкретизируем сказанное. Первая мировая война не истекала непременно из сущности Российской монархии. Войны, как известно,

вели все системы, и для возникновения войны должны были сыграть роль конкретные исторические причины, а не только тот факт, что Россия, Германия и Австро-Венгрия были монархиями, да и Англия тоже, а Франция «буржуазной» республикой. От одного этого факта самовозгорания войны именно в этот момент не произошло бы. А без войны не было бы ни февральской, ни октябрьской революции, и все развитие России пошло бы совсем иным путем.

Неверно! — воскликнет детерминист Болдырев. В самом деле, доказать наше утверждение мы не можем. Но и П. Болдырев не может доказать, что и без войны в начале марта 1917 г. произошла бы точно такая же революция, как она была, а в начале ноября все было бы разыграно как в сценарии точно так же, как это имело место в то время, когда войска были на фронте. В самом деле, еслиб кадровые войска не находились на фронте, неужели не удалось бы разогнать небольшие большевистские кадры? Да у них не было бы шанса даже и начать.

Возьмем еще второй пункт: когда Ленин вернулся из Швейцарии, он пришел в ужас от своего ЦК. Оно в своем большинстве (включая и Сталина) приняло решение временно поддерживать «буржуазную» республику Временного правительства. Еслиб не Ленин ЦК осталось бы при этом решении, Учредительное собрание не было бы разогнано, российская демократия бы укрепилась, и октябрьская революция в том виде, в каком она произошла, не была бы уже возможной.

Детерминиста такие предположения приводят, конечно, в «священный трепет». Детерминист — фаталист (сколько бы советские марксисты этого ни отрицали), и он не может себе представить, чтобы кismet («логика жизни») мог бы не исполниться. Но мы не фаталисты, и думаем, что детерминизм П. Болдырева — это «отрыжка прошлого», того самого марксистского прошлого, относительно которого он думает, что его преодолел.

Еще больше нас удивляет утверждение, что «прошлое имеет свойство возвращаться». Если это так, то Болдырев по «логике жизни» именно и должен ждать возвращения Российской монархии. Но история как раз показывает, что прошлое в виде точно-то слепка того, что было, никогда не возвращается. Так что и монархия в России, еслиб она восстановилась, и демократическая республика, еслиб она возникла, носили бы во многом иной характер. Особенно

меня удивляет, что Болдырев о демократической республике говорит как о возвращении к прошлому. Ведь несколько месяцев Временного правительства нельзя назвать установившейся демократической республикой, так что следует констатировать, что в России демократической республики еще не было. Ее установление никак не было бы возвратом к прошлому, но было бы чем-то новым, — насколько хорошим или плохим, это уже другой вопрос.

По Болдыреву современная западно-германская демократическая республика непременно должна кончиться новым национал-социализмом, но я могу заверить П. Болдырева, что такой опасности, — даже минимальной, — совсем не предвидется. А коммунистическая диктатура в Германии тоже не может прийти исключительно изнутри, — ей была бы нужна «братская помощь» извне. Нет гарантии, что такая «помощь» не будет оказана, но это уже другой вопрос.

Кроме исторического детерминизма, здесь возникает другая проблема. Многотысячелетняя история человечества дала только три основных формы государственности: монархию, абсолютную или конституционную, наследную или выборную; республику, аристократическую (олигархическую) или демократическую, и диктатуру. Все они, конечно, могут выступать в очень различных вариациях, но никакой четвертой основной формы государственности мы не видим. П. Болдырев решительно отвергает монархию и демократическую республику. Что же остается в его распоряжении? Аристократическая республика или диктатура. Вряд ли он тяготеет к аристократической республике, да и где он взял бы для России теперь настоящий аристократический слой? Остается только диктатура. Какого толка?

П. Болдырев пишет, что надо преодолеть коммунизм «историческим чутьем, живым ощущением уровня и задач нашей исторической эпохи». Все это хорошо, и с этой фразой вряд ли кто будет спорить, но в таком виде она — общее место. Ее необходимо конкретизировать, потому что ясно, что одному «историческое чутье» будет подсказывать одно, а другому — нечто совсем противоположное. А потом можно спорить до хрипоты, чье историческое чутье чутче. Но Болдырев как раз ничего не конкретизирует и, упрекая эмиграцию в том, что она не дает альтернатив, сам никаких конкретных альтернатив не предлагает.

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

То, что П. Болдырев пишет о советском человеке интересно и, вероятно, во многом он прав. Но... прав он по отношению к очень незначительному числу людей. Болдырев сам пишет, что им написанное не относится к народу. Но относится ли то, что он пишет, и ко всей той интеллигенции, которая и не пыталась вскарабкаться на «зияющие высоты» коммунизма? Если выражаться менее поэтично, то это, думаем, не затрагивает всех тех, кто прошел мимо партии. Думается, что их не так мало. Автор этого открытого письма учился на философском факультете, т. е. принял в себя интенсивно идеологию коммунизма, прежде чем от нее отречься; вероятно, был так же членом партии. Но студенты философского факультета — не типичны для студенчества вообще. Когда я училась в Ленинградском университете, у нас еще не было философского факультета, он был основан после второй мировой войны, но вот на историческом факультете 90% всех студентов были членами комсомола или партии и только 10% были вне комсомола. Но на нашем математико-механическом факультете только 50% студентов были в комсомоле, а 50% были вне комсомола. Сама я тоже никогда в комсомоле не была. Соответственно было и настроение. Мы никогда не называли себя советскими людьми, мы называли себя подсоветскими. Тогда как и в мое время уже существовал ясный тип советского человека, такого, о котором говорит П. Болдырев. Но, может быть, теперь все стали советскими и подсоветских не осталось? Однако в эмигрантских газетах появляются письма представителей третьей эмиграции, где выражаются протесты, что их называют «советскими людьми», они сами называют себя подсоветскими. Думаю, что и авторы нашего журнала из самых новейших не могут быть названы советскими людьми в смысле Болдырева.

Мы можем только предполагать, что «подсоветские люди» существуют не как единицы-исключения, потому что, если мы правильно наблюдаем, их за границу, как правило, не выпускают.

И тут мы подходим к тому месту письма П. Болдырева, которое нам кажется не очень соответствующим действительности, а именно, что советский режим боится диссидентов, яростно их преследует. Ведь как раз этого мы и не наблюдаем. Советский режим, напротив, весьма милостив к диссидентам. Это как раз то, что нам так трудно понять. Режим долго разрешает им открыто выступать против него внутри страны,

прежде чем арестовать, а после ареста сравнительно скоро выпускает за границу, причем со всеми удобствами, с мебелью и коллекцией икон, с книгами и котами. Слабость режима? Ничуть. Тех, кого режим не хочет выпускать, он и не выпускает, и плевать ему на западное общественное мнение. Юрий Галанков был замучен в концлагере, большинство ВСХСОН'овцев продолжает сидеть, впрочем, подвергнутое ostrакизму и со стороны диссидентов. А вот когда писатель Гладилин захотел уехать за границу, он пошел в ОВИР и легко получил разрешение на отъезд. Почему? Потому что советский режим его так ужасно боится? Смешно это даже и предполагать.

Разница между двумя первыми эмиграциями и третьей заключается не только во времени выезда и во времени, сколько они жили под советским режимом; ни одного дня, несколько месяцев или лет, два с половиной десятилетия или же полстолетия, но еще и в том, что представители первой и второй эмиграции бежали с а м и. Их никто не отбирал, и среди них были представители всех слоев населения. Третью же эмиграцию отбирают советские органы, и это исключительно интеллигенты, в большинстве своем — советские интеллигенты. Поэтому для народа, (а в это понятие мы включаем и массу интеллигенции) они — не типичны. Среди многих выехавших евреев есть, конечно и другие (возможно, они и возражают, что их называют «советскими»), но большинство из них в общественности не выступает. В Израиле или в других странах они стараются устроиться на работу и наладить свою жизнь. Проминенция же диссидентов, независимо от того, еврейского или русского она происхождения — это советские люди. Это верно. Но насколько они типичны хотя бы для интеллигенции? Нам трудно утверждать, что они не типичны, но у нас есть основание хотя бы предполагать, что они далеко не так типичны, как они утверждают сами.

Если хотя бы часть из них преодолела коммунизм изнутри и только носит внешнюю советизированную оболочку, то мы этому очень рады. Но мне остается только еще раз указать на то, что лишь немногие из проминентных диссидентов сами так себя понимают. Верно, что мы ожидали встретить борцов против коммунизма, а их не оказалось. Неверно, что мы ожидали встретить каких-либо своих идеологических последователей, но борцов — да. Болдырев пишет: в том смысле, в каком мы этого ожидали, борцов среди третьей эмиграции нет, но в каком-то другом смысле — дис-

сиденты все же борцы. Но вот в каком? Опять-таки тут не указано ничего конкретного и не дано никаких конкретных альтернатив.

Образ пещер и нас, засевших там с какими-то камнями, может быть поэтичным, хотя и злым, но что под этим конкретно подразумевается, опять-таки неясно. То, что мы не отдали сразу же все, созданные нами с величайшим трудом, органы прессы новейшим? Мы не видим в этом никакой необходимости, тем более, что у новейших в противоположность нам денег много, и они свободно создают свои органы прессы. Это их право, которое мы оспаривать не собираемся, но сходиться со сцены раньше времени мы тоже не намерены.

Если новейшие покажут нам как они борются против коммунизма, то мы поддержим их по мере сил, или будем им возражать, но ведь даже и возражать-то не на что. Разговоры об эволюции советского режима действительностью не подтверждаются. В своих же органах прессы новейшие в лучшем случае критикуют советский режим ничуть не иначе, чем это делали и делаем мы, часто слабее, лишь с некоторыми отдельными подробностями из современной жизни, которых мы, конечно, в деталях не знаем, но которые ничего принципиально нового не дают. В худшем же случае они опубликовывают свои второ- и третьестепенные литературные произведения. Что же тут нового? Нигде незаметно ничего яркого, самобытного, оригинального. Ставить это в вину новейшим, вероятно, не следует, но зачем же они выдвигают неоправданные претензии?

А претензия у П. Болдырева заключается в том, что в «формуле антикоммунизма», «которая доселе не содержала в себе никаких неизвестных величин», такая неизвестная величина появилась. Это «сфинкс» диссидентов, который мы якобы не в силах разгадать, но разгадать должны, «потому что в ней кроется дальнейшая судьба самой этой борьбы и единство всех ее сил. А так же судьба нового, позитивного «антикоммунизма» (уже в кавычках!), который бы не бессодержательно отвергал коммунизм, оглядываясь лишь назад, двигаясь «спиной вперед», но выдвигал бы альтернативы, реально и мужественно вступая в диалог не с архаическими реминисценциями прошлого, но с задачами современной эпохи, с историческим интегралом, включающим преодоленное «то что было» в то что должно, **п р и з в а н о б ы т ь.**»

Ну, наш антикоммунизм можно назвать «бессодержательным» только после того,

как все наше содержание, Христианство, свободу, достоинство человека, и у одних монархию, у других демократию, Болдырев объявил «отсутствием содержания». Но ведь это — передержка. Сначала заявить, что содержание идей (не идеологий) и веры других — это отрицательная величина, антисодержание, а потом называть их антикоммунизм, наполненный большим содержанием вечных ценностей, «бессодержательным».

Затем от нас неизвестно с каким правом требуется, чтобы мы разгадывали «диссидентский сфинкс» и предлагали бы новые альтернативы, которые этот «сфинкс» бы удовлетворили. А почему бы «сфинксу» не раскрыть самого себя и не заняться бы с а м о м у предложением новых альтернатив? Мы ни одну не отвергнем без рассмотрения. А к хорошим по нашему мнению можем и присоединиться. Но только, господа диссиденты, займитесь этим уж сами. Вы отвергаете монархию и демократию, так расскажите нам только, пожалуйста, конкретно, какой сорт диктатуры вы предпочитаете? Или у вас есть совсем новые идеи? Излагайте их, пожалуйста. Но о т г а д ы в а т ь их мы не собираемся, не собираемся и придумывать что-либо от себя и предлагать вам на выбор. Потрудитесь уж сами.

Я сейчас обратилась к диссидентам в собирательном образе, потому что П. Болдырев говорит от их имени, но думаю, что далеко не все диссиденты с ним согласны. И диссиденты не едины, а распадаются на разные группы. Очень многие, вероятно, не согласятся с Болдыревым в его отрицании как монархии, так и демократии.

В. Пирожкова.

Р. С. Этот ответ был уже написан, когда до меня дошли газеты «Наша страна» и «Русская жизнь». В той и другой напечатаны высказывания П. Болдырева, которые

отчасти находятся в полном противоречии с его открытым письмом нашему журналу.

Так в «Нашей стране» от 28 марта П. Болдырев после непомерных похвал этой газете и оскорбления всех других русских эмигрантских изданий — П. Болдырев утверждает, что «Наша страна» — единственная неконъюнктурная газета русского Зарубежья — воспекает гимн идее «народной монархии» как исходящей из русских корней и являющейся альтернативой. В письме же он объявляет монархию как таковую, не вдаваясь в подробности, возвращением к прошлому, после какового неминуемо снова наступит коммунизм. Кроме того, он, судя по его гимну «Нашей стране» и народной монархии, нашел все же альтернативу у тех же самых эмигрантов, которых он так кастит в письме в наш журнал. Поистине, П. Болдырев — советский, а не подсоветский человек!

В своем докладе, опубликованном в «Русской жизни» (28 марта 1978 г.) П. Болдырев предлагает внести элемент насилия по отношению как к русскому народу, так и к нерусским народам, входящим сейчас в состав СССР. «Может быть, для русского национального государства следует особо предусмотреть еще один конституционный момент. Я имею в виду запрещение в законодательном порядке русскому правительству удовлетворить просьбы о возврате каких-либо бывших подсоветских нерусских народов в состав России.» Господи, что за путаница в головах у некоторых диссидентов. То они защищают свободу, права человека и народов, то хотят лишиться этих прав народы, которые хотели бы объединиться, навязать им искусственную «балканизацию» и заставить жить в изоляции и разъединении в то время, когда общее стремление, тенденция времени — это объединение малых народов в большие корпорации. Но и эти идеи не новы, так что ничего нового и оригинального диссиденты с большими претензиями пока не дали.

Владимир РУДИНСКИЙ.

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

В новом журнале «Нива» (США) одобрил целиком программу: «Каждым своим словом «Нива» служит исторической, вечной России». Дай Бог и в добрый час! Но бывают и медвежьи услуги. В поэме П. Петухова название России набрано через одну с. Кто уполномочил автора исказить сие

священное имя? Замечание же редакции, будто подобное написание «оправдано исторически и фонетически» — вздор. Наше слово взято из греческого, где было два «с»; уже Иоанн Грозный писал «российский». В обзоре событий нелепо упоминание о власти «Кмер Ружа» в Камбодже; «руж» по-

французски «красный»; речь идет о **красных кхмерах**. Что до американского города Цинтиннати, нельзя его называть Синсинати потому что... Но стоит ли толковать издателям журнала о латинской грамматике или об истории Рима!

Изумляет сообщение П. Ваулина, что он **открыл Америку**: существование писателя Потапенко; но хотя и засылал специальных ходоков в СССР и наводил справки в **гишпанской** энциклопедии, почти ничего не смог о нем узнать. Хотя и не классик, И. Н. Потапенко, автор «Записок старого студента» и ряда романов, широко известен и как современник Чехова, даже выведен на сцену в советском фильме, посвященном этому последнему. Прежняя «Нива» издавалась для средней интеллигенции. Не надо бы в эмиграции снижать ее уровня!

В № 1 литературного журнала «Ковчег» в Париже великолепно стихотворение У. Мазинга «Песня солдат, отступающих под натиском нечистой силы» в переводе с эстонского С. Семененко. Остальной материал слаб. Несколько лучше другого материала рассказ Л. Черткова «Ночные путешественники» и социологический очерк А. Ласкова «По ту сторону марксизма», где есть любопытные, хотя и спорные мысли.

Выходит в Париже еще и другой литературный журнал, — они растут, как грибы! — «Эхо» под редакцией В. Марамзина и А. Хвостенко. Не станем разбирать № 1: авось дальнейшие будут лучше. Пока тут материал ниже среднего уровня; — все, и проза, и стихи (в том числе и таковые Бродского; кроме чудесного маленького «Письма Овидия в Рим»), и критика (включая неистовые восхваления Набокова). Если уж сравнивать два журнала, «Ковчег» гораздо сильнее.

Отметим, однако, во вступительной статье В. Марамзина некоторые дельные, умные мысли, к которым мы не можем полностью не присоединиться. Он считает, что «Эхо» должно: «Не занимаясь специальной политикой... тем не менее никогда не забывать зловещей цифры 1917. Чем дальше живешь в парижской обстановке, тем более видишь, что она принесла миру. — Не обольщаться никаким социализмом или коммунизмом, с лицом и без того. Хорошего социализма не бывает, это грамматическая нелепость. — Не переставать удивляться существующим по обе стороны занавеса стремлениям чернить Россию, старую и новую»...

Пожелаем журналу твердо следовать этим трезвым, актуальным установкам! И повысить художественное качество; в чем

ничего невозможного нет: лиха беда начало...

Мы указывали на почти текстуальное совпадение высказываний о России В. Пирожковой и А. Солженицына. Более неожиданно — сходство с их взглядами таковых С. Рафальского в статье «Об ответственности» («Новое Русское Слово» от 24 декабря): «Ни в Китае, ни во Вьетнаме, ни в Камбодже, ни на Кубе не было ни Ивана IV, ни Петра I, не было и теоретиков тоталитаризма из III-го отделения. Но результат везде один». Он безусловно прав: источник всех безобразий большевизма... надо искать в учении Маркса». Убедительным подтверждением служит и статья в номере от 14 февраля с. г., Т. Петровской «На Кубе», описывающая нищету и несвободу, царящие на недавно еще изобильном тропическом острове.

На страницах газеты «Русская Жизнь» в Сан Франциско шла интересная полемика, открытая резкой критикой по адресу новейшей эмиграции вкуче, формулированной известной журналисткой Ю. Крузенштерн-Петерс. По счастью, позже С. Женук и представители самой третьей волны восстановили более верную картину: плоха не вся эта эмиграция, а лишь некоторые — но, к сожалению, играющие важную роль, — ее элементы, проникнутые оппортунизмом и антирусскими комплексами.

В номере от 3 декабря А. Алсен дает хлесткую отповедь ведущему сотруднику «Континента» В. Некрасову: «Вы, г-н Некрасов, гордитесь Красной Армией. А кто ее в мире любит? Кто любит Советский Союз? Польша? Румыния? Болгария? Чехословакия? Германия? Финляндия? Австрия? Или Россия, Украина, Белоруссия?»

Нельзя не поражаться орфографическим причудам «Русской Мысли». В передовице от 9 марта упоминаются такие органы печати: «**Темуаньяж Христиан**» и «**Демократи модерн**». Переведем по-французски: «**Темуаньяж Кретьен**» и «**Демокраси модерн**». А то ведь в газетном киоске не поймут коли спросишь:... Что уж говорить об оттенках, вроде заголовка «Положение в Африканском роге»; можно находиться только **на роге** (исключая случай полого рога для вина или пороха.)

Глубоко возмущает статья Б. Филиппова в номере от 6 апреля: пользуясь ссылками большевиков на белую славу России, он позволяет себе выпады против великой Екатерины, против Гоголя и Достоевского, против русского народа и русской культуры в целом. Его раздражают слова: **русская сила, русский гений, русский героизм**; еще боль-

ше упоминание о братстве народов нашей империи; и хуже всего — само имя **Русь**. И он не способен понять, что бьющий из под его пера антипатриотизм — самое выгодное для большевиков в устах русского эмигранта!

В № 123 «Вестника Р.Х.Д.» А. Суконик, защищаясь от упреков в антисемитизме, справедливо указывает, что не следует из ложно понятой солидарности оправдывать еврейских комиссаров, сажавших и расстреливавших, притом же, не только русских, но и своих братьев-евреев. — Вопреки предостережениям Солженицына, Ю. Иваск продолжает усердно, но не убедительно подмарывать память Леонтьева, инкриминируя ему низкопоклонство перед **пашами в красных фесках**. На деле же тот жестоко высмеивал османских сановников, отпуская о них французские и турецкие каламбуры, а любил и уважал простых турок — лавочников, ремесленных, пожарных, гаремных затворниц — которым прощал даже религиозный фанатизм и кровную месть, укорененные в их национальной традиции. (Хотя восточные пороки не одобрял и наглядно рисовал их страшные последствия). Он больше сочувствовал грекам, чем балканским славянам; бранил порою и русских — но от любви... Приписывать же ему мелкое честолюбие или корысть, и данными мотивами объяснять его произведения, значит его характер совсем не понимать. Что нас со стороны г-на Иваска не удивляет...

Напрасно перепечатана старая статья о Сергия Булгакова, — богослова блестящего и глубокого, но не надежного, с попытками обеления Иуды. Христианское сознание никогда не примет подобных мудрований; не зря Иуда для народных масс — символ предателя, худшего злодея. — Коробит статья В. Азаряна о кинорежиссере А. Тарковском, полная яростных нападок на славянофилов, и в остальном — претенциозная, но малосодержательная.

Полномера 129 «Нового Журнала» занято огромным рассказом В. Вейдле «Белое платье». Герой, в годы промежутка между двумя войнами, сошелся с неким «погибшим, но милым созданием» из Латинского квартала. На беду девушка — смесь Сонечки Мармеладовой с Настасьей Филипповной, — взяла дурную привычку рассказывать обожаемому ее любовнику наиболее пикантные случаи из своей прежней практики (любая женщина не вовсе от природы глупая и не вистую лишенная такта, воздержалась бы), доводя его до понятного бешенства; заметив же наконец, что портит жизнь ему и себе, отравилась. Он со-

шел с ума, но поправился. История выиграла бы, не влагай автор в уста 17-летней парижской призетки длинные, проникновенные и абсолютно неправдоподобные диссертации о живописи и богословии.

Украшение номера — прекрасное, правдивое письмо новейшей эмигрантки Д. Бровкиной В. Некрасову: «Не надо убеждать... что Вы не могли не вступать в КПСС. Могли... но только от этого Ваша жизнь проходила бы менее гладко... как много я знаю в Союзе людей, которые... предпочитают занимать должности значительно более скромные, чем могли бы... только потому, что — «Понимаешь, не могу я... как только посмотрю, кто там сидит, не могу, и все...»

Но часть упреков Некрасову, продолжающему писать за границей такое, что бы можно и в СССР, подошла бы и Е. Эткинду, за его отрывок из романа «Два памятника» в этом же номере. Неприятно читать в эмиграции проникнутые чисто советским духом покушения представить Пушкина революционером, врагом и жертвою царя, почти что большевиком **avant la lettre**. Особенно же нехорошо — ибо нечестно! — ссылаться при этом на стихотворение «Андрей Шеньев». Потому что (как проговаривается сам Эткинд) «...стихи эти не за революцию, а против нее». Притом, как можно о Шеньеве утверждать: «народ ополчился на него, отверг его политическую программу». Какой народ, когда? Накануне падения Робеспьера, во Франции, где все только и жаждало свержения и ликвидации Неподкупного?!

Вовсе непостижимо, с какой стати московский обер-полицмейстер, Дмитрий Иванович Шульгин, превращен в **Александра Сергеевича?** В реальности, генерал Шульгин не является ни полным, ни хотя бы частичным тезкой великого поэта! Правда, профессор Эткинд сочиняет **роман...** Но все же...

Воспоминания Н. Крамовой о Зошенко любопытны; но, если она и впрямь знала лично Гумилева, в десять раз было бы интереснее, чтобы она о нем подробно и рассказала. — Р. Плетнев, в скучном наукообразном этюде о Достоевском и Толстом, вводит скверное новшество: пишет всюду Д. и Т. Так делают в справочниках и энциклопедиях; но в прессе или беллетристике это **невыносимо** читателю. Этак мы у Пушкина начнем печатать Е. вместо **Евгений** и Т. вместо **Татьяна. Dii omen avertant!** А список, на много страниц, всех упоминаемых у Д. профессий (паладин, палац, панславист(!)...) — ну, кому оно нужно?

Недавно мы имели случай похвалить «Часовой» за сравнительную правильность

языка. На беду, в номере за март-апрель не все в порядке. В приложенном к нему бюллетене Р.Н.О. мы обнаруживаем не только **корида** через одно **p**, но даже и **Ренесанс** через одно **c**.

Наоборот, на хорошем языке и почти без ошибок издается израильский журнал «Время и мы» (кроме латинских цитат, кои почему то не удаются; вместо *aqua* появляется пугающее *akva*!) Правда, в статьях о внутренних делах и о проблемах иудаизма часто употребляются слова, взятые из иврита; но оно, пожалуй и неизбежно. В целом — это превосходный по качеству литературный журнал, не уступающий ни одному другому на русском языке в Зарубежье.

Среди выступающих здесь писателей выделяется Борис Хазанов, которого редакция не без основания расценивает как **чудо**. Его повесть «Час короля», содержащая блестящую апологию монархии, в частности конституционной, безусловно великолепа. Неплох и рассказ «Страх», хотя трусость его героя удивляла бы даже и в сталинскую эпоху: он бросает любимую девушку узнав, что у нее арестован отец, то-есть именно в тот момент, когда ей помощь всего нужнее!

Талантлив и совсем еще молодой Евгений Цветков, уже нам знакомый по «Современнику»; но похоже, что он не нашел вполне своего лица. Так, его маленький рассказ «Удача» сделан в манере А. С. Грина. Более длинная «Киностудия» носит отпечаток 20-х годов, напоминая слогом Никулина, Шагинян, а то и Либединского. Но в ней оригинальная идея недоработана, а главные психологические мотивации героев хромают, несмотря на отличные отдельные сцены. Что до выдержанных в жутком роде «Разговора с глухонемым» и «Гриба», они приводят на память Амброза Бирса и Эдгара По (которым, впрочем, и у нас в двадцатые годы немало подражали).

Светлана Шенбрунн — мы ее уже встречали в «Гранях» — тоже обращается к фантастическим сюжетам; и с успехом, хотя они выиграли бы, если бы выбросить у нее политические и идеологические аллюзии, включающие скажем, сочувствие ко всяческим битникам. Несколько слабее, все в том же жанре, пишет и Ицхак Мерас. Любопытное явление — тяга третьей волны (русской и еврейской равно) к фантастическому и таинственному!

Владимир Марамзин — человек способный; но жаль, что он себя целиком ограничивает сексуальными темами; притом про-

скальзывавшие у него прежде нотки душевности и человечности, как раз делавшие его творчество симпатичнее и приемлемее, постепенно совсем исчезают. Зато его критическая статья о Горьком, пронизательная, логичная по рассуждению, стройная по форме, достойна самых высоких похвал.

В области поэзии привлекает внимание, кроме уже отмеченной нами Лии Владимировой, явно талантливые стихи Рины Левинзон; заслуживает упоминания и Илья Рубин, еще более замечательный как критик, вдумчивый, глубокий и добросовестный; его безвременная смерть — серьезная потеря, не только для «Времени», а для эмигрантской литературы вообще.

Весьма одаренная Наталия Рубинштейн в роли критика его не заменит; хлесткий, задорный тон ее стилистически прекрасных заметок выдает ее склонность увлекаться и порою говорить лишнее. Совсе не можем с ней согласиться в ее попытках установить культ Синявского! — Элегичная, импрессионистическая Майя Каганская своеобразно и ярко рисует отдельные периоды общественной жизни в СССР, вызывая отчасти в памяти Цветаеву своим личным и индивидуальным подходам к вещам.

В отделе воспоминаний, где много ценного, особое место занимают дочь и мать Улановские, Майя и Надежда. Первая — своими бесхитростными и дышущими искренностью впечатлениями от концлагеря, увиденного глазами юной студентки; вторая — живыми, полными метко схваченных деталей зарисовками работы ее и ее мужа в сети советского шпионажа за границей (позже они оба пришли к безоговорочному отрицанию большевизма). По-новому и остроумно характеризует лагерный быт и Григорий Тартаковский.

Интересные статьи попадают на самые разные темы. Борис Суварин спорит с Солженицыным о Ленине, в том числе и об его происхождении (согласимся, что звание русского интеллигента у него, так и так, не отнимешь). Михаил Троппер излагает занятные наблюдения над новейшими эмигрантами в Израиле с точки зрения психиатра. Элиезер Бруцкус дает обстоятельную картину языкового положения в Израиле (удивляет только неупоминание об испаноязычных сефардитах). В социальном очерке И. Домальского об евреях в СССР имеются полезные для исследователя статистические данные.

Исключительно метко и дельно воспроизведены в журнале размышления Артура Кестлера о мировой политической ситуации.

Напечатан тут и по-русски его роман «Тьма в полдень» (русским эмигрантам лучше известный под названием «Ноль и бесконечность», которое он имеет во французской версии).

Переводы из польского писателя Марек Хласко, покончившего с собой в 1969 г., оставляют тягостное чувство ввиду абсолютной моральной опустошенности, предельного нравственного падения всех его персонажей. — Переведенный с английского рассказа Саула Беллоу показывает неспособность американцев понимать герметически непроницаемые для них старые европейские культуры и нравы, в данном случае испанские. — Есть тут и ряд переводов из Киплинга, но относительно второстепенных его рассказов и стихов.

Определенной политической линии у журнала нет, что и похвально: свобода жизненно необходима для прессы и литературы. Зато то, что применительно к России, «Время и мы» сосредотачивается прежде всего на еврейском вопросе, не приходится его упрекать; это совершенно натурально.

Позволим себе только вполне дружески предостеречь наших израильских коллег от одной опасности: впасть в руссофобию, каковая никому не пойдет выпрок, кроме наших общих врагов, — ни России и русскому народу, ни русским евреям, ни Израилю.

Многим сотрудникам «Времени» ничего и советовать не нужно. Например М. Улановской, которая, в страшных лагерных условиях не хотела слушать нападок на русских со стороны сидевших вместе с нею украинских самостийниц и немок. Ни художнику Натану Файнгольду, который (в своей интересной полемике о судьбах и путях Израйля со Львом Тумерманом, поборником материализма и рационализма на западный лад) произносит мудрые слова: «Спасение России в возвращении к ее вере», и подчеркивает важность «религиозного понимания истории и назначения русского народа».

Но больно встречать у людей как Н. Рубинштейн и даже Б. Хазанов (в статье «Новая Россия») враждебную иронию по поводу русской души и русского характера. Особенно, когда они затрагивают наш природный патриотизм, каким он выражен у Тютчева и Есенина, касаясь вещей, дорогих каждому из нас, неотрывных от сердца нашей родины, того, что было, есть и пребудет, вопреки историческим испытаниям, и к чему применимы гениальные пушкинские строки:

Стоит белеясь Ветилуя
В недостижимой вышине.

Мы понимаем, что у них это есть реакция на те или иные проявления антисемитизма и на потуги большевиков себя изображать русскими националистами. Но такой отпор грозит натворить огромный вред, а главное — как раз пойти на пользу мировому коммунизму. Тут удары направляются не на компартию, не на кремлевских вождей, куда бы они должны попадать, а на русских *in toto*, вовсе не обязанных отвечать за советский режим и уж никак не могущих отвечать за отдельных дураков (каковым, как известно, закон не писан).

Пусть за большевизм отвечают те, кто его строил и ему служил, будь они русские или евреи, латыши или грузины; нам же, кто от него страдал, ссориться не за что и не зачем. И русский народ тут не так уж плохо разбирается: напомним рассказ Н. Мандельштам о том, как чутко и сердечно к ней относились русские крестьяне, зная об участии ее мужа... Не забудем и фразу, какую любил повторять генерал де Голль: «Строй меняется, а народ остается».

Высчитывать роль отдельных народностей в катастрофе, постигшей Российскую Империю, и вообще то суетное времяпровождение, а уж наипаче — если с целью свалить вину с одного на других. К сожалению, все виноваты; и применимы тут опять таки пушкинские строки:

Какая б ни была вина,
Ужасно было наказанье!

Крайний случай руссоедства воплощает Елена Клепикова (в статье «Земля Иванов да Емель»): у нее ненависть ко всему русскому — и шире, славянскому — доходит до маниакального кликушества: ее раздражает, зачем у русских русые волосы, почему они любят березу, как они смеют ссылаться на свой фольклор... Что же, нас не удивить: мы уже слышали раньше, что мы — **унтерменши**.

Иной профиль, по сравнению со «Время и мы», представляет другой израильский журнал «Сион», определяющий себя сам как «общественно-политический и литературный». Он представляет собою сущий клад в плане информации о внутреннем положении Израйля, об его политических, социальных и бытовых проблемах. Значительное место отведено актуальному и для нас вопросу об ассимиляции и устройстве евреев из России и возможности сохранения ими русского языка и культуры. От себя можем только пожелать такого сохранения: оно будет содействовать взаимному пониманию между еврейским государством с одной

стороны, а с другой — русской эмиграцией сейчас и обновленной послебольшевистской Россией в грядущем.

Со страстью обсуждается и неожиданный для нас (и, выясняется, отнюдь не простой) вопрос о том, кого следует признавать евреем. Не вмешиваясь не в свое дело, полагаем, что, скорее всего — тех, кто сам себя евреями считают.

В литературной части «Сиона» мы находим чудесный отрывок из романа Шмуэля — Иосефа Агнона «Сретенье невесты», отражающий быт хасидской общины в старые времена, где-то в черте оседлости, замечательный по разлитым в нем поэзии и мягкому юмору. Согласно редакционной заметке роман, по его структуре и духу, сравнивают с «Дон Кихотом» Сервантеса; и это, видимо, не лишено оснований.

А. П. ФЕДОСЕЕВ

ОДНОПАРТИЙНАЯ ИЛИ МНОГОПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА?

Существует довольно странный парадокс: многие граждане и общественные деятели Запада, не одобряя советской диктатуры, в то же время посматривают на советское общество с некоторой завистью. Действительно, стабильности и порядку в СССР можно позавидовать. Конечно, эти стабильность и порядок являются стабильностью и порядком огромной и суровой (не западной) тюрьмы. Тем не менее, в условиях не прекращающихся экономических и политических бурь Запада, даже этот тюремный порядок становится привлекательным для многих свободных граждан, не испытывавших его на собственной шкуре. В свое время, например, англичане прямо заявляли, что они рассматривают самым важным качеством режима его постоянство, стабильность, неизменность. К даже плохому постоянству, мол, легче приспособиться, привыкнуть. Любопытно, однако, что в то же время англичане не удосужились создать записанную конституцию для защиты этого постоянства. Общественных деятелей Запада очень привлекает советский режим также легкостью управления массами населения и безусловной целесообразностью (с точки зрения управителей, конечно,) этого управления. Как и указанные выше свободные граждане, эти деятели Запада не имели возможности на личном опыте познакомиться с этой «легкостью», требующей неусыпной бдительности КГБ и всего правящего аппарата КПСС.

Так или иначе, однопартийная система СССР дает очко вперед многопартийным системам Запада в смысле стабильности и порядка.

Это положение в последнее время настолько проявилось, что даже некоторые убежденные консерваторы Англии прямо

заявляют о непригодности многопартийной системы для разумного управления обществом.

Основанием для таких заявлений служит не только различие в программах партий и, следовательно, бессмысленное и разрушительное «дергание» экономики и законов страны то в одну, то в другую сторону. Этому служит и то, что, фактически, ни одна из партийных программ не соответствует нуждам избирателей и страны. Ведь, любые принципы, положенные в основу любых программ, никак не могут отразить конкретные, непрерывно изменяющиеся и многообразные нужды населения. Жизнь не укладывается в принципы.

Имеется и еще важное обстоятельство: неравенство партий перед избирателями. Любая партия держит руль управления слишком короткое время, чтобы достаточно ясно проявились желательность или нежелательность для избирателей ее линии. Поэтому почти единственным критерием для выбора партии становятся эти самые, фактически, никому не нужные принципы, т. е. идеология. Согласно знаменитому мастеру пропаганды, доктору Геббельсу, чем примитивнее и демагогичнее идеология, чем более и более в неизменном виде повторяются и рекламируются ее принципы, тем больше шансы на выигрыш и даже на полный захват власти. Именно в этом вопросе идеологии и проявляется неравенство партий. Партии социалистического типа имеют эту идеологию, дающую им программу, рассчитанную на все обозримое будущее и позволяющую не терять никогда перспективы. У других же партий ее нет. На «старых» же идеологиях анархизма, монархизма, капитализма далеко «не уедешь». Поэтому партии, противостоящие социализму,

не имеют никаких ясных или даже не совсем ясных дальних целей и вынуждены довольствоваться лишь частностями и задачами сегодняшнего дня.

В результате этой идеологической пустоты, противопоставляемой каменной идеологии социализма, эти партии все время находятся в более или менее безуспешной обороне и вынуждены идти на компромиссы и уступки. Больше того, успех социалистической идеологии создает в рядах несоциалистических партий множество тайных и явных ренегатов, сеющих сомнения и неуверенность. Очень характерна в этом смысле борьба в консервативной партии Англии между умной и энергичной антисоциалистической Татчер и замаскированным социализмом Хит. К сожалению, антисоциализм не является идеологией и не дает перспективы долговременных целей. Поэтому Хит имеет значительное влияние и иногда довольно успешно дезорганизует ряды консерваторов.

Огромная выгода долговременной идеологии у социалистических партий по сравнению с идеологическим вакуумом у их соперников приводит к «эффекту храповика». Социалисты, появившись у власти даже на короткое время, поворачивают «приводную шестеренку» законов хотя бы на один зубец в одну и ту же, социалистическую сторону. Другие же партии даже и не пытаются повернуть шестеренку обратно. Так, «шестерня», способная вращаться в обе стороны, превращается в «храповик» с защелкой, не допускающий вращения в противоположную, антисоциалистическую сторону.

Этот эффект сползания к социализму особенно проявляется в государствах, не имеющих записанной Конституции и Верховного Суда для наблюдения за ее соблюдением. Как я уже говорил, одним из таких государств является Англия, к которой, в первую очередь, относится содержание данной статьи.

Социалистические партии, стремясь к новому общественному строю, естественно, стараются разрушить и существующее общество и поддерживающую его мораль. Имея на своей стороне значительные преимущества, социалистические партии Запада постепенно привели и материальную и духовную жизнь многих стран в состояние непрерывного хаоса и неустойчивости.

Понятно, что этот хаос и разрушения будут продолжаться до тех пор, пока социалистическая партия не установит единовластия. С однопартийным единовластием, ко-

нечно, воцарятся такие же стабильность и порядок как в СССР.

Таким образом любые многопартийные системы в наше время стремятся превратиться в однопартийные, социалистические.

Однако, если даже считать, что у Запада есть шанс сохранить многопартийную систему, она, эта система, все равно ничего хорошего не сулит. Можно перечислить ее главные недостатки, едва ли компенсируемые в настоящее время исчезающим призраком демократии. (Не удивительно, что многие и многие деятели начинают утрачивать веру в демократию).

1. В условиях колоссально возросшей власти государства (и правительства) над людьми и хозяйством страны междупартийная драка приносит непрерывные бедствия типа: «господа дерутся, а у холопов чубы трясутся».

2. По мере дальнейшего возрастания этой государственной власти непрерывная смена партий у руля государства приводит к прекращению развития общества в положительную сторону, приводит к экономическому и духовному застою, вызывающим разложение общественной морали и духовное гниение.

3. Трудность ощутить практическую выгоду политической линии той или другой партии из-за быстрой смены их у руля государства приводит к тому, что голосует на выборах все меньшая и меньшая часть избирателей. По той же причине голоса избирателей, участвующих в голосовании, делятся почти поровну между двумя главными партиями, усугубляя неустойчивость правительства и их политической и экономической линии.

Между тем, по причине — ломать легче, чем строить, совершается больше разрушений, чем созиданий, т. е. торжествует опять-таки социализм.

4. Какие бы ни были партийные программы, ни одна из них, в принципе, не отражает и не может отражать интересы страны и ее населения. В противном случае эти программы должны были бы быть одинаковыми. Это положение и еще добавляет к равнодушию избирателей и к их неспособности решительно предпочесть одну партию.

5. Партии не дают своим членам ни экономических, ни служебных привилегий (пока, конечно, нет единовластия). В то же время другие объединения граждан и, в особенности, профсоюзы обладают средствами экономического и социального воздей-

ствия. Это обстоятельство приводит к отсутствию у партий их собственной силы и к необходимости иметь сильных «хозяев». Практически партии везде превращаются в платных марионеток в руках лидеров тех или других мощных объединений и, в первую очередь, профсоюзов. Понятно, что хозяевами правительств становятся не избиратели, а лидеры этих мощных объединений. Демократия начинает превращаться в призрак.

Таким образом многопартийный хрен оказывается не так уж и слаще однопартийной редьки.

В нашей будущей России этот урок следует учесть и избрать не однопартийную и не многопартийную, а, если так можно выразиться, беспартийную систему плюс, конечно, записанную Конституцию с Верховным Судом для сохранения последней.

Характеристику этой «беспартийной системы» можно сформулировать следующим образом:

1. Кандидаты во все ступени управления страной выбираются обязательным, прямым, равным, тайным и пропорциональным голосованием.

2. Кандидаты выдвигаются любыми вре-

менными или постоянными объединениями, а не только партиями.

3. Каждый кандидат обязан иметь свою личную программу, за которую он отвечает перед избирателями, персонально.

4. Голосование происходит отдельно за каждого кандидата. Голосование по спискам не допускается.

5. Переизбрание одного и того же кандидата на третий срок не разрешается.

6. Избирательная кампания ограничивается публикацией в газетах и в уличных плакатах фотографии, автобиографии и программы кандидатов, а также определенным и небольшим числом личных встреч с избирателями каждого кандидата. Любые другие формы избирательной кампании не разрешаются.

Такая «беспартийная» система представляет, на мой взгляд, большие преимущества перед «партийными» системами. Безусловно, при такой «беспартийной» системе лихорадка идеологических преобразований едва ли будет возможна и, следовательно, не будет места политико-экономическому хаосу. Суверенность избирателей и, следовательно, демократия будут защищены.

Вдова проф. В. Ильина любезно предоставила нашему журналу некоторые статьи ее покойного мужа. Мы охотно печатаем в этом номере одну из этих статей. Может быть, там есть некоторые устаревшие места, поскольку фактическое положение все время несколько меняется. Но в своем принципиальном значении эта статья по-прежнему актуальна.

Редакция.

В. ИЛЬИН

ХРИСТИАНСТВО И КУЛЬТУРА

Христианство принадлежит к высочайшим и совершеннейшим формам религии, из этого само собой следует и его положительная роль в деле создания высших форм культуры. Однако эта положительная творческая роль христианства так велика и своеобразна что она заслуживает особого рассмотрения. Особенно интересно и важно проследить значение христианства в смягчении нравов в выработке новых форм права и нравственности, в создании новой философии и науки и в создании совершеннейших форм искусства.

Сюда относятся все решительно формы и виды искусства, как то: литература, музыка, живопись, скульптура и архитектура. В человеческом творчестве играет огромную роль **миросозерцание и философия**. Как миросозерцание, так и его совершенная форма — **философия** буквально формирует человека, создавая из него высший тип существования в виде свободно и разумно мыслящего существа.

В странах христианской культуры философия и с нею наука достигла высших форм процветания нигде до этого не дос-

тигнутых. Это и сделало на долгое время христианские народы владыками вселенной. Факт это общеизвестный и оспаривать его было бы безумием, а доказывать — значило ломиться в открытые двери. Это объясняется тем, что знание есть величайшая сила. Не следует забывать, что вера которую по недоразумению и часто по невежеству, а иногда по сознательной лживости противопоставляют знанию сама есть форма знания. Св. Ансельм Кентерберийский, великий христианский мыслитель XI века, так и говорил: **верую, чтобы познать.**

Все марксисты без исключения заранее уверовали в правдивость марксизма и это сообщает им необычайную силу именно потому, что знание есть сила, а вера самая высшая форма знания.

Познающая сила христианской веры объясняется тем, что христианство верует в то, что мир создан и управляется **разумно-логической силой** — «Логосом» или **Всемогущим Словом Божиим.**

Мы пока оставим в стороне смертельную и в известном смысле необъяснимую войну объявленную коммунистами христианству: врагов у христианства много, и далеко не одни коммунисты горят истребительной ненавистью к учению проповедующему разум, мир и любовь. «Честь» истребительной войны с христианством, войны словом, делом и вообще всеми находящимися в распоряжении человека средствами разделяют с коммунизмом прежде всего национал-социалисты и фашисты, а потом и очень многие представители так называемой «буржуазии». Этим одним фактом начисто и вдребезги разбивается тот никада негодный аргумент, что коммунисты отрицают христианство по соображениям **классовой войны и в качестве религии отстаивающей выгоды господствующих классов.**

Нас интересует вот какой несомненный и весьма грозный, весьма знаменательный для марксо-коммунизма факт: с какой-то непонятной и на первый взгляд истребительной яростью набросились марксо-коммунисты решительно на все ценности культуры **без исключения.** Последние если и были, то в таком ничтожном количестве, что в счет не идут. Щадились только например, такие ученые, которых книги или выводы могли быть непосредственно использованы на предмет истребительной войны с так называемым «классовым врагом». Под таким в огромном большинстве случаев разумелась вся нематериалистическая, вся небезбоязненная наука. **Вся художественная литература, из которой были выброшены такие**

величины как Шатобриан, Стендаль, Мопассан, Толстой, Достоевский, Лесков, Бунин...

Впрочем, достаточно взглянуть в изданный в 1923 г. «Указатель», чтобы убедиться в этом. В сущности к смертной казни была приговорена **вся совокупность мировой и в частности русской культуры как гуманитарной, так и физико-математической.** Гениальному Русскому Академику Владимиру Александровичу Стеклову пришлось с опасностью для жизни продолжать работу. Тот, кто отрицает христианство, тот, чтобы быть последовательным, должен отрицать и философию Гегеля и диалектику и, конечно, вместе с ними и марксизм.

Действительно одно из двух: или марксизм с гегелевой диалектикой и логикой создания культуры и входит в культурную традицию, коренясь в ней и питаясь ее соком и обещая передать эти культурные навыки грядущим поколениям того самого «бесклассового общества», о котором пророчествует марксизм. Но тогда придется признать что вместе с Гегелевым панлогизмом и с его учением о лежащем в основе мира абсолютном слове и вместе с христианским неприятием эксплуатации и классовости, марксизм есть всецело создание великой христианской культуры и, отрицая ее, **отрицает самого себя как в прошлом так и в настоящем и в будущем.**

Или марксизм отрицает эту традицию и тогда его проповедь есть сплошная ложь и сплошное лицемерие. Нельзя проповедывать мир, согласие, дружбу и любовь народов и враждовать с учением, кладущим в основу свою учение о **мировом смысле и мировой любви.** И не только отрицать это учение, но еще и кроваво его преследовать, доходя до предпочтения неверующего эксплуататора, верующему пролетарию.

К этому надо прибавить еще и то, что марксистам, стоящим на такой точке зрения разрыва с культурными традициями христианства придется вообще объявить войну всем вообще культурным ценностям, оставляя одно только т. н. практически полезное. Но и это не надолго, ибо **варваризация и отупление непосредственно следующие за таким антикультурным нигилизмом быстро приводят человека к состоянию допотопного пещерного дикаря, где с проблесками мысли и чувства гаснет и всякая идея о какой бы то ни было диалектике в том числе и диамата и марксизма.**

Это мы уже видели в истории человечества и не так давно видели в истории России и русской культуры. Не забудем и того, что такие отрицатели культурных тра-

дий, столь прославляемые советской жизнью, публицисты, народники, чернопердельцы (Писарев, Тачев, Нечаев и прочие) хвастались своей некультурностью и охотно называли тебя **троглодитами**. Они во всяком случае были последовательнее тех марксистов и коммунистов, которые хотят наслаждаться плодами христианской культуры и одновременно всячески стремятся выкорчевать ее корни.

Остается рассмотреть еще проблему противопоставления Библии и вообще всей совокупности книг Ветхого и Нового Завета и науки, которой будто бы Библия, (то есть вся совокупность христианских вероучительных книг) противоречит. Прежде всего следует заметить, что Библия не есть собрание научных теорий о начале и конце мира уже потому что, как мы неоднократно показывали, таких научных теорий нет, быть не может и если они и появляются, то в таком множестве, так противоречат друг другу и так быстро меняются, следуя научным течениям, а иногда просто моде, что у Библии просто нет никаких оснований прикреплять себя к какой-нибудь из них и связывать свою судьбу с такой теорией, наверняка обреченной на скорое исчезновение или на скорую трансформацию часто изменяющую ее до неузнаваемости. Стоит сравнить теории, возникшие в эпоху классической физики и биологии, напр. теории Канта, Лапласа, Фая, Лигонде Цельнера, Дарвина — и теории возникшие в эпоху новейшего естествознания — микро и макро физики и термоядерноэлектронной теории вещества — напр. теории Джинса, Си, Леметра, Камптона, Эддингтона и др.

Между ними пропасть. И старые теории, особенно теория Канта, Лапласа, столь излюбленная почему-то безбожниками и материалистами, включая марксо-коммунистов, выглядят по меньшей мере наивно, чтобы не сказать просто глупо. Но кто может гарантировать нам, что на почве дальнейшего прогресса в учении о веществе, о времени и пространстве, будут сделаны такие открытия и выказаны такие теории, по сравнению с которыми нынешние будут выглядеть еще наивнее, чем классические сравнительно с нынешними. Библии, как книге учащей о вечных истинах, не пристало связывать свою судьбу с этими скоропреходящими учениями и теориями, к тому же не имеющими с Библией общих тем или почти их не имеющими.

Ибо хорошо сказал один средневековый ученый богослов: **наука учит о происхождении, Библия учит о спасении**, имеется в виду спасение в вечности, относительно

которой наука совершенно некомпетентна высказываться, да это ее не интересует и никак не входит в сферу ее объектов.

Однако иногда Библия касается сюжетов такого рода, где у нея сферы общия с наукой, сюда относятся главным образом нравы и быт исчезнувших поколений, существовавших во времена библейские, а равно и связь легендарных или считаемых легендарными событий с исторической действительностью.

И вот тут выясняется, что сведения даваемые Библией в точности соответствуют тому, что мы знаем о затрагиваемых Библией местах, лицах и событиях, сообщаемых другими историческими источниками.

Было время, когда очень малое и сплошь да рядом извращенное, неверное знание светской истории о том, что повествует Библия, равно как и увлечение **гиперкритическим**, то есть чрезмерно, до абсурда доходящим, критическим методом и морфологической теорией, заранее брали под подозрение все то, о чем говорит Библия, причем все ее персонажи считались вымышленными. Считалось, что древние писатели, поэты, хронисты, летописцы-историки, составители легенд, обязательные и притом намеренные лжецы.

Правда те, кто так думают, сами неуверены в своей правдивости и тот, кто подозревает всех и всегда во лжи, несомненно сам склонен всегда и по всем поводам лгать: психологически вещь хорошо известная. И вообще гиперкритика не особенно хорошо рекомендует ее авторов с морально умственной стороны. Но самое худое то, что ее утверждения — в огромном большинстве случаев по-настоящему ложны и даже вовсе лживы, то есть связаны с намерением во что бы то ни стало наперекор истине и здравому смыслу вредить Библии, как это видим в мизерных во всех смыслах писаниях шлиссельбуржца Морозова. Ныне эти писания могут вызывать только веселое настроение.

Уже с начала настоящего столетия после исследований таких ученых как Вигуру, Пиаци, Смит, Давидсон и др. показали что Библия и египетские источники говорят об одном и том же. Но смертельный удар по гиперкритицизму нанесен в XIX веке Шлиманном, а в наше время находкой манускриптов неподалеку от Мертвого моря. По всей вероятности, такие находки будут повторяться не раз и всякий раз к вящему порамлению гиперкритиков и антибиблейстов.

Напомним о Шлиманне, что этот гениальный человек решил, что Гомер, предпо-

лагаемый автор «Илиады», не мог лгать и выдумывать. Он сделал раскопки в местах действия Илиады, то есть на холме **Гиссарлык** в Малой Азии и нашел все то, о чем повествует Гомер. А ведь не только сама поэма, ее, автор считался гиперкритиками выдумкой. Теперь дело обстоит иначе и такие ученые как Эдгар Дакэ, Гано Фишер, Нейбургер, Нетлинг, Иеремиас и др. считают, что вообще не бывает выдуманных легенд. Исследования подтвердили такое заключение вполне. Так подтвердилась правдивость того, что говорит Библия в известной находке на берегу Мертвого моря.

Гиперкритицизм совершенно вышел из моды, не говоря уже о его фактической неосновательности. Пользоваться им для того, чтобы доказать, что Иисус Христос никогда не существовал, для того чтобы утверждать, что Иоаннов Апокалипсис написан в IV веке и притом не св. ап. Иоанном Богословом,

но св. Иоанном Златоустом, как это делает шлессельбуржец Морозов, или доказывать вместе с проф. Виппером, что первоначальная христианская община была компанией финансовых дельцов, это картина не только жалостная, говорящая о весьма сомнительном умственном состоянии занимающихся такими более чем рискованными авантюрами в области науки.

Все так называемые «научные попытки», подорвать правдивость Библии и Евангелий вместе с другими каноническими произведениями Нового Завета кончились весьма постыдно для авторов этих авантур.

Но мало того: чем далее, тем более у историко-археологической подлинной, а не ложной тенденциозной науки накапливается материала подавляющего богатства и красоты, из которого вырисовываются правдивые живые образы **Библейско-Евангельских повествований**.

Е. ВАГИН

ПОДПОЛЬНОЕ ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Национально-религиозное возрождение у нас на родине — очевидный факт, который невозможно больше отрицать, и который косвенно признает даже официальная советская пропаганда, призывая «усилить» атеистическую работу среди молодежи.

Этот необратимый процесс духовного пробуждения начался лет 10-15 тому назад. Одним из первых ярких документов его было знаменитое «Открытое письмо московскому патриарху Алексию» двух православных священников: Глеба Якунина и Николая Эшлимана, положившее начало религиозному самиздату. Ныне самиздат — почти неотъемлемая часть быта молодой интеллигенции в Советском Союзе.

В 1967 году КГБ разгромил питерскую антикоммунистическую организацию Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа, посадив за решетку около тридцати его членов. Однако опубликованная с опозданием на Западе Программа ВСХСОН попадает нелегальным образом в СССР, размножается здесь и широко распространяется, встречая понимание и одобрение.

Набирает силу и пользуется все большим авторитетом созданный в конце прошлого года Христианский Комитет защиты прав верующих (во главе с упомянутым уже о. Глебом Якуниным и архидиаконом

Варсонофием Хайбулиным). Это независимая религиозно-общественная организация, апеллирующая к «духу Хельсинки».

Проповеди о. Димитрия Дудко, ставшие известными во всем мире — еще одно доказательство жизненности христианства в советской России, не задавленного 60-летним преследованием и не принужденного к рабскому молчанию сервилитской политикой Московского патриархата.

Основной смысл духовного движения в недрах тоталитарного коммунистического общества, поистине знамение времени — массовый отход от марксизма с его материализмом и атеизмом. Эта негативная тенденция — безусловно отрицательное отношение к официальной советской идеологии — объединяет все разнообразие течений и направления советских инакомыслящих.

Несмотря на формальную неорганизованность указанных спонтанных процессов (и полную невозможность организовать легально), представляется возможным говорить о **социал-христианском движении**, «социал» не в смысле каких-либо социалистических устремлений и интенций, ибо они дискредитированы столь же основательно, как и марксистская доктрина в целом. Но описываемые процессы не являются все же чисто религиозными или церковными; они неизбежно имеют (пусть «незапланирован-

ный») общественный резонанс. Участники движения апеллируют к общественному мнению — в стране и в свободном мире, ищут широкую поддержку своим идеям, своей активности. Поэтому наименование: социал-христианское движение есть констатация факта.

Но было бы ошибочным считать это движение исключительно политическим. Оно имеет, так сказать, определенный политический «эквивалент»; но многие участники его (возможно даже — активное большинство) демонстративно сторонятся политики, не хотят иметь с ней ничего общего.

Мы знаем на печальном примере «Вече» Вл. Осипова, что даже печатные заверения в своей лояльности (в нелегальном издании) не спасают от уголовного преследования за «антисоветчину». Но это уже злое капризы советской Немезиды, которой наплевать и на «дух Хельсинки», и на благочестивые намерения нынешнего американского президента. И все же советские власти должны считаться с наличием многочисленной не политической, а духовной оппозиции: не столько режиму, сколько идеологии.

Духовная оппозиция господствующей марксистской идеологии составляет основное содержание феномена, называемого национально-религиозным возрождением. Внутри его мы встречаемся с богатым разнообразием идей и мнений, конфессиональной пестротой, наличием специфического вневероисповедного свободомыслия.

Вполне определенное и «оформленное» течение существует, пожалуй только в Литве, где вот уже несколько лет успешно издается «Хроника литовской католической церкви». Издается, несмотря на преследования, аресты, конфискации. В среде протестантской наиболее активны баптисты «инициативники», также занимающиеся печатной пропагандой (специальные бюллетени, издаваемые родственниками заключенных за религиозные убеждения). Заметной в последнее время стала деятельность пятидесятников, добывающихся возможности легальной эмиграции из СССР.

Наконец, существует катакомбная Церковь — так называемые истинно православные христиане; она насчитывает достаточное количество адептов, имеет своих епископов, и действует в условиях подполья.

В лоне «официального» (или официально разрешенного) православия существуют разные тенденции. Определенно можно говорить о явной оппозиционности рядового священства, преимущественно из молодых, «верхам» Московского патриархата.

Основная сложность нынешнего момента заключается в том, что одни и те же идеи и явления переживаются и оцениваются по-разному в кругах официально-церковных и в среде свободно ищущей молодежи, тяготеющей к церковности. В нормальных условиях было бы естественно и необходимо — добровольно и сознательно подчиниться авторитету Церкви. Но высшие иерархи постоянно компрометируют себя верноподданическими заявлениями, их служебная, по отношению к режиму, роль ни у кого не вызывает сомнения. Поэтому они не пользуются нравственным и религиозным авторитетом, все их действия встречаются верующими с недоверием и подозрительностью. Это относится и к исключительно актуальной проблеме экуменизма.

Бывшая до 1948 года решительной противницей любых экуменических тенденций, русская православная церковь после этого вдруг становится членом ВСЦ (Всемирного Совета Церквей), и на страницах «Журнала Московской патриархии» постоянно с тех пор появляются статьи и материалы в поддержку экуменизма. Нет никакого сомнения, что такая линия продиктована соображениями политическими, и, конечно, продиктована сверху. Устраиваемые в Москве съезды и конференции представителей разных религий (последняя «всемирная конференция», называвшаяся: «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение, справедливые отношения между народами», состоялась в мае прошлого года), явно инспирируются и оплачиваются коммунистическим Кремлем. «Экуменизм» в сфере религиозной — такая же приманка для легковверных и демагогический обман как и «еврокоммунизм» в области чисто политической.

Но в среде оппозиционеров-инакомыслов (повторяю, речь сейчас идет не о собственно политической оппозиции, а о противодействии духовно-религиозном) отношение к экуменизму иное. Часть православных, и прежде всего катакомбные христиане, всецело разделяют установку русской Зарубежной Церкви и отвергают в принципе всякое экуменическое «делание». Это — наиболее церковно верующие. Если же говорить о количественно значительной группе «ищущих» — здесь положение иное. Отталкиваясь сознательно от унифицирующей монополюсной идеологии атеистического государства, стремясь к полному осуществлению христианского идеала, вчера только обретшие веру молодые люди мечтают о единстве всех христиан. В их устах, в их понимании экуменизм приобретает совер-

шенно иной смысл. К ним надо прислушаться.

В 1971 году в маленькой комнатке одного из московских домов девять молодых христиан разных исповеданий собрались, «чтобы заложить свой камень в здание Экумены». Традиция подобных религиозно-философских собраний (участники некоторых подобных собраний предпочитают называть их «агапами» — в духе раннего христианства) — сравнительно недавняя. Однако она получила довольно широкое распространение в последние годы. Некоторым кажется даже, что подобная духовная активность вытесняет постепенно активность политическую, с чем можно и не согласиться.

Участники названного собрания — они называют себя **экумениками** — с самого начала были одушевлены идеей христианского единства и постоянно искали новых энтузиастов. Спустя год они могли утверждать: «Семена экуменического Евангелия, кроме столицы, брошены в Ленинграде, Таллине, Хаапсалу, Риге, Вентспилсе, Елгаве, Кулдиге, Полоцке, Одессе. Есть всходы, будем бороться за урожай!» Белоруссия, Эстония, Латвия, потом и Литва, помимо средней России — такой географический размах говорит о многом, свидетельствует о распространенности подобных настроений.

Что же было побудительным мотивом для создания этого сообщества молодых христиан? Спустя шесть лет, в письме друзьям на Запад, они так объясняли возникновение своего содружества:

«Несмотря на весь свой внешний блеск и самодовольство, официальная Церковь в СССР серьезно больна, т. к. полностью контролируется атеистическим государством. Она не осуществляет одной из важнейших своих задач — активной евангелизации. Установив контакты с Ватиканом и вступив во Всемирный Совет Церквей, практически не воспитывает своих верных в экуменическом духе. Отрекается от священнослужителей и мирян, возражающих против такого положения. В неофициальном порядке называет подобную деятельность мудрой тактикой.»

Уже из этого короткого абзаца можно заключить, что участники общества считают себя православными (ибо они говорят о православной русской церкви и демонстрируют основательное знание ее внутреннего положения). Вместе с тем отчетливо заметны протестантские тенденции — положение о «евангелизации» как важнейшей задаче Церкви.

«В такой обстановке, не видя иного выхода, возникает Общество, свободное от

вмешательства во внутренние дела (следует понимать: атеистического государства — Е. В.), смело распространяющее Слово спасения, проповедующее нелицемерное примирение во Христе; поддерживающее всех обижаемых; не одобряющее даже временного применения сомнительных средств для достижения благой цели, так как уповающему на Бога нет нужды прибегать к помощи дьявола.»

Обращает на себя внимание подчеркнутый аполитизм авторов письма. Их слова о «поддержке всех обижаемых» (нужно думать — верующих в первую очередь) остаются, насколько нам известно, словесной декларацией. В этом плане подлинно христианской следует признать деятельность названного уже Комитета защиты прав верующих, объединения также неполитического, но активно выступающего против творящегося беззакония, активно и открыто.

Вопрос о «средствах» всегда был, практически, камнем преткновения для исповедующих истину Евангелия. Разумеется, циничная формула: «цель оправдывает средства» является не просто нехристианской, но абсолютно неприемлемой для любого верующего человека. Однако нередко у людей, называющих себя христианами, случается странная подмена понятий, отождествление силы и насилия, и на этом основании — страстная проповедь ненасилия, граничащая с пацифизмом. Практически — капитуляция перед злом, активный пассивизм. Так было у Л. Толстого. Нередко встречаемся мы с «толстовством» в среде оппозиции в Советском Союзе. В меньшинстве остаются те, кто всецело разделяет позицию лагерного поэта Валентина Соколова:

...Ну, а я не Лев Толстой,

Примиряться с толстойтой.

Вот заключение Письма-декларации московских экумеников, в котором они окончательно проясняют свою программу:

«Верующие, что только так осуществимо подлинное оздоровление Церкви; надеющиеся отвратить народ от духовной деградации; сознающие невероятные внешние и внутренние трудности подобной инициативы; любящие официальную церковь, молящиеся за ее иерархию и послушные ей в вопросах культа; но руководимые Советом священников и мирян, признающих Папу Римского Отцом всех христиан и Скалой, независимой в своих пастьерских решениях от мирских властей, **общество христиан-экуменистов** призывает к восстановлению традиций домашней церкви...»

Итак, стремление к «подлинному оздоровлению Церкви» на путях внутренне сво-

бодного признания авторитета Папы Римского. Немедленно вспоминается Владимир Соловьев. И действительно, он высоко почитается молодыми москвичами как «предтеча экуменизма». Апелляция к римскому Первосвященнику — нередкое явление в среде советских инакомыслящих, особенно религиозно ориентированных. Широко известны обращения А. Левитина-Краснова с просьбой о заступлении за гонимых и заключенных; совсем недавно опубликовано обращение к Павлу VI о. Глеба Якунина в связи с проектом новой советской конституции. К сожалению, официальная линия Ватикана, отчетливо определившаяся в последние годы, не оставляет реальной надежды на практическую помощь и моральную поддержку узников совести в коммунистических странах.

В другом своем письме московские «экуменики» уточняют свои духовные позиции: «Наш метод — это библейский волонтаризм и домашняя церковь.»

Признание руководящей решающей роли воли — как в мире, так и в человеке, согласование своей воли с волей Божией, приобретение подлинной свободы. Жизнь по совести, возрастание в силе, так как силу зла можно победить лишь силой, а не слабостью добра.

Реставрация духа ежедневным розарием, избегая механического повторения формул, постигая суть медитаций.

Глубинное служение, каждое слово и дело превращая в **агапе**, всегда исходя из вечной нашей цели.

Преодоление обыденности посредством пламенной веры в воскресшего Христа и **духовного причащения** (маранафа)..»

К сожалению, во всем этом много риторики, эклектизма, дилетантства. Возможно, последнее объясняется молодостью участников; один из первых активных членов группы Виталий Оцикевич скончался в Вильнюсе в возрасте 22-23 лет. Настораживает, что свой религиозный эклектизм «экуменики» считают, видимо, «подлинным» экуменизмом. Отсюда рождается некоторое духовное высокомерие. Вот их заявление по этому поводу:

«Так как в нашей стране живут не только русские и православные, мы должны преодолеть провинциальный эгоизм, психологию сектантства и строить свое служение на интернациональных, экуменических, пацифистских началах. Политика закулисного прозелитизма не способствует подлинному обоюдному сближению. Недостойна также позиция, когда, находясь «у них», договариваются о чем-то, а вернувшись утвер-

ждают о недопустимости компромисса. Уже само участие в экуменическом движении на высшем уровне свидетельствует о признании всеми его участниками неизбежности соответствующих доктринальных уступок и внутреннего обновления. Официальный, теоретический экуменизм не всегда адекватен харизматическому, фактическому экуменическому деланию, и такое положение вещей имеет не только отрицательную, но и положительную сторону. Оно открывает двери идущим снизу инициативам, обогащающим проблематику и расширяющим сферу влияния активного миротворчества, столь необходимого для выхода из духовного «кризиса.»

Это заявление было напечатано в издающемся «экумениками» машинописном журнале «Призыв», интересном документе религиозного самиздата. Эти небольшие брошюры стали выходить с 1971 года в Москве с эпиграфами из Нового Завета на каждой обложке. Вряд ли можно с полной определенностью говорить о «тираже» этого издания; как и вся самиздатская литература, он размножается самостоятельными усилиями заинтересованных читателей. Журнал имеет исключительно религиозный, подчеркнуто не-политический характер.

В № 5 в редакционной заметке подчеркивается: «Итак, религиозное пробуждение и экуменическое движение — два потока, которые, слившись, рожают христианство будущего, стали фактом в нашей стране. Мы счастливы, что причастны к этому. Теперь его остановить может только Сам Бог... Несмотря на все недостатки, «Призывы» стали нашей единственной летописью и кратким катехизисом. Читатель может заметить, что мы неоднократно повторяем одно и то же, заимствуя идеи и результаты чьих-то трудов без ссылок на автора и печатаем рядом разные, несогласные точки зрения. Это правда.

Но мы полагаем, что напоминания любить Бога и творить добро не потеряют актуальности до того дня, когда окончательно исчезнут безверие и зло...»

Никак нельзя согласиться с тем, что «религиозное пробуждение и экуменическое движение — два различные потока, образующие весьма гипотетическое «христианство будущего». (Как известно, Шпенглер полагал, что христианство будущего — это христианство Достоевского, что также остается только рабочей гипотезой). Конечно же, описываемая московская неофициальная разновидность экуменического движения — лишь одно из характерных явлений религиозного пробуждения или возро-

дения. И самым ценным у них остается напоминание азов христианской морали, направление ищущих в сторону христианских идеалов, может быть, порой излишне расплывающихся. Хотелось бы побольше строгости и определенности.

Журнал, который продолжает издаваться, содержит много интересной для подсоветских читателей информации об экуменическом движении. Так, уже в № 1 была помещена обширная статья «Краткая история экуменизма». Регулярно перепечатываются переводные статьи о францисканцах, генгутерах (№ 2), об «Исповеди» блаженного Августина, (которая в советское время естественно не переиздавалась) (№ 3), Молитва Франциска Ассизского (№ 5), «Божий план спасения» (там же), цитаты из Владимира Соловьева под заголовком «Азбука совершенствования» и большое исследование прот. Александра Меня «Наследие Владимира Соловьева» (№ 9-10, 1975-1976 г.). В последней статье специальный раздел «Предтеча экуменизма» трактует русского философа в таком свете, и его причащение 18. 2. 1896 года у католического священника называется «актом экуменическим».

В № 7 — интересная статья «Агапе», рассказывающая о повседневной религиозной практике экумеников:

«Это наше главное богослужение, возрождающее древнюю традицию (Деян. 2, 46). Любое общение начинается с медитации... свободное, импровизированное общение с трапезой. Чтение, проповедь, пение, общая молитва (от общей до самой горячей, завершаемой «Отче наш».) В торжественных случаях (праздники, приемы, проводы) — поучение (I Кор. П, 23-29), молитва — благодарение, хлеб-вино «маранафа» (Иис. Нав. 22).»

Каждый номер заканчивается призывом к диалогу: «Ждем ваших ответов». В нескольких последних номерах «Призыва» имеется рубрика: «Навстречу тысячелетия крещения Руси». В № 9-10 под этой рубрикой помещена беседа с о. Димитрием Дудко. Мы приведем ее полностью, и этим закончим наш краткий обзор:

Рубрика: «Навстречу тысячелетию крещения Руси» — Беседа со свящ. Дм. Дудко.

«Мы попросили отца Димитрия ответить на следующие вопросы:

— Какова, по вашему мнению, роль Церкви в нашем обществе?

— Что делать, чтобы достойно встретить тысячелетие христианства на Руси?

Вот что он сказал:

— По моему мнению, Церковь в нашем обществе должна играть главную роль, как никогда, потому что наше общество с по-

терей христианства и в связи с безудержной и нечистоплотной антирелигиозной пропагандой не имеет своего нравственного лица. Всякого рода преступления, особенно пьянство, хулиганство, вообще распущенность, обезобразили его. Мы идем к такой катастрофе, когда нормальная жизнь станет совсем невозможной. Это с одной стороны, с другой — без Церкви всякая цель в жизни обесмысливается. Церковь это то, что связывает людей с Богом. А без Бога ничего хорошего не может быть — это мое твердое убеждение. К сожалению, Церковь не понимают. Ее или представляют как что-то устарелое и архаическое, или просто на нее нападают и гонят. Нужно сказать, что и представители Церкви, хотя отчасти, но виновны в том, что Церковь не понимают. Иногда они в самом деле пытаются из Церкви сделать то, что отжило свой век, что не может найти отклик в нашем обществе. Церковь, как никто, должна быть живым организмом, дерзающей, наступающей и побеждающей. Это да будет!

— Чтобы достойно встретить тысячелетие христианства на Руси, нужно одно — чтобы у нас пробудился христианский дух первых веков. Потому что время, по своей сущности, по глумлению над христианством, в некоторых отношениях более страшное, чем было тогда. А у нас христианство подчас выливается или в храмовое благочестие — это в лучшем случае, или в худшем — в «домашнее», когда сидят и разговаривают не при зажженных свечах, или зажженная свеча поставлена под сосуд. Зажженная свеча должна стоять на подсвечнике и светить всем в доме, более того, — во всех закоулках и переулках, чтобы ничто не оставалось неосвещенным. Пробудить христианский дух, вернуть хотя бы настроенность христианскую наших предков — в этом заключается то, чем мы можем достойно встретить тысячелетие христианства на Руси.»

Редактирует коллегия:

И. Мусман, В. Пирожкова

Адрес редакции: **GOLOS SARUBESCHIA**
Bothmerstr. 14. 8 Munchen 19.

BR Deutschland

Verantwortlich für den Inhalt:

Redaktionskollegium:

I. Musman, V. Piroshkova

Банковский счет —

Банк: **Hypoteken- und Wechselbank**
8 Munchen, Konto Nr. 2760094318

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «ГЛОБУС»
Сан Франциско, Калифорния 94127 С.Ш.А.

GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.

